

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра восточных языков
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ВЯ
_____ Е.В. Чистова
« ____ » _____ 2022 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**СТРАТЕГИИ И СРЕДСТВА СОЦИАЛЬНОЙ
СТИГМАТИЗАЦИИ В ЯПОНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Выпускник

У.А. Манжула

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц. каф. ВЯ А.В. Козачина

Нормоконтролер

А.П. Мутасова

Красноярск 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТИГМАТИЗАЦИИ	7
1.1. Стратегия: к вопросу определения понятия в рамках языкознания	7
1.2. Стратегический подход в исследовании речевого акта.....	12
1.2.1. Модель анализа семантических стратегий выражения этнических предубеждений Т.А. ван Дейка	15
1.3. Феномен стигматизации: от социологии к лингвистике	20
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	27
ГЛАВА 2. СТРАТЕГИИ И СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТИГМАТИЗАЦИИ В ЯПОНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ	29
2.1. Сдвиг	29
2.2. (Очевидные) уступки	36
2.3. Обобщение	41
2.4. Повтор.....	43
2.5. Уклонение	47
2.6. Пресуппозиция, предположение, косвенный речевой акт	50
2.7. Контраст	52
2.8. Усиление.....	57
2.9. Интерпретация результатов исследования.....	59
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	62
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	64
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	67
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	72

ВВЕДЕНИЕ

Выпускная квалификационная работа посвящена выявлению и последующему описанию стратегий и средств социальной стигматизации в рамках японской повседневной коммуникации.

Традиционно феномен социальной стигматизации рассматривался с точки зрения социологии, психологии, психиатрии. Однако в рамках современной антропоцентрической парадигмы научного знания на первый план выходят такие междисциплинарные направления, как лингвокультурология, социолингвистика, этнолингвистика и др., главным объектом изучения которых становится человек и порождаемые им феномены, находящие свое отражение в языке.

Актуальность работы продиктована смещением фокуса исследовательского внимания в лингвистике к роли человека и изучением языка в качестве главной конституирующей характеристики индивида, а также процессов, происходящих в обществе. К таким процессам относится социальная стигматизация, которая, в современных реалиях, выступает в качестве одной из волнующих общество проблем.

Цель работы – изучить стратегический аспект репрезентации социальной стигматизации в японской повседневной коммуникации.

Для достижения цели потребовалось решение следующих *задач*:

- 1) систематизировать существующие подходы к определению терминов «стратегия» и «ход»;
- 2) описать методологию выявления стратегий и определить модель, релевантную настоящему исследованию;
- 3) изучить феномен «стигматизация» в русле гуманитарных наук;
- 4) на основе отобранного материала проанализировать ходы в рамках стратегий и средства социальной стигматизации в повседневной коммуникации японцев;

Объектом данного исследования выступает феномен социальной стигматизации, а **предметом** – стратегический аспект ее репрезентации в японской повседневной коммуникации.

Теоретической базой исследования послужили работы: О.С. Иссерс, М.Л. Макарова, Е.В. Ключева, В.С. Анохиной, В.Б. Кашкина, Б.Ю. Городецкого, И.Н. Борисовой, Т.Е. Янко, А.А. Романва, Н.Ф. Алефиренко, А.П. Сковородникова, Н.И. Формановской, Т.А. ван Дейка – в области *лингвистики*; У. Лабова, П. Бергера, Т. Лукмана, И. Гофмана, П. Бурдые, N.D. Lawson, W. Lippman, T. Mino, M. Viernat, J. Dovidio, В.И. Беликова, Л.П. Крысина, А.С. Кузякина – в области *социологии*; А.С. Кармина, Г.Н. Hofstede – в области *культурологии и межкультурной коммуникации*; В.М. Алпатова, Е.Л. Фроловой – *японистики*.

В теоретической части настоящего исследования были применены следующие **методы**: сравнительно-сопоставительный, описательный, анализ, синтез, обобщение. В практической части данной работы использованы методы семантического, контекстуального, стилистического и элементы лингвокультурологического анализа. Исследование базируется на модели анализа стратегий и тактик выражения этнических предубеждений Т.А. ван Дейка.

Материалом для данного исследования послужили следующие японские фильмы, телесериалы (дорамы) и анимационные фильмы (анимэ):

Телесериалы:

- «Цветочки после ягодок» (花より男子), 2005;
- «14-летняя мама» (14才の母), 2006;
- «Интерсексуал» (男でも女でもない性), 2011;
- «35-летняя школьница» (35歳の高校生), 2013;
- «Уравнение по устранению учителя» (先生を消す方程式), 2020.

Фильмы:

- «По пути в школу: На полпути» (通学途中), 2015;

– «Когда вяжут серьезно» (彼らが本気で編むときは), 2017;

Анимационные фильмы:

– «Горничная президент» (会長はメイドさま), 2010;

– «Наруто» (ナルト), 1999.

Общий объем просмотренного материала составляет 94 часа.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что материалы, полученные в результате проведенного исследования, могут быть использованы в рамках следующих дисциплин: «Лингвокультурное пространство страны изучаемого языка», «Международные отношения и внешняя политика страны изучаемого языка», «Лингвострановедение Японии», «Введение в зарубежное регионоведение».

Работа включает в себя введение, две главы: теоретическую и практическую, выводы по главам, заключение, список использованной литературы.

Во введении устанавливаются цель и основные задачи исследования, обосновывается выбор объекта и предмета, определяются методы работы. Помимо этого введение содержит актуальность и теоретическую и практическую значимость работы.

В первой главе рассматриваются такие понятия, как: речевые, коммуникативные, семантические стратегии, семантический ход, социальная стигматизация, дискриминация, стереотип, предубеждение, идзимэ и предрассудок.

Во второй главе проводится анализ найденных примеров, демонстрирующих использование японцами стратегий, ходов и средств социальной стигматизации в повседневной коммуникации.

В заключении перечисляются основные выводы, полученные в результате проведенного исследования.

Библиографический список состоит из 59 источников.

Апробация работы: Материалы исследования были представлены в постерной сессии в рамках II Международного «Форума языков и культур» (Красноярск, СФУ, 27-29 мая 2021 г.), XIII конференции молодых японоведов «Новый взгляд» (25-26 ноября 2021 г.), XIV Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (Красноярск, СФУ, 21-22 апреля 2022 г.). Также доклад по материалам исследования занял 3 место в V Международной научно-практической студенческой конференции на иностранных языках «Экономика, управление и международное взаимодействие: региональные и мировые тенденции» в номинации японский язык (Новосибирск, НГУЭУ, 9 декабря 2021 г.).

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТИГМАТИЗАЦИИ

1.1. Стратегия: к вопросу определения понятия в рамках языкознания

Начиная со второй половины XX века лингвистическая наука стремительно распространяет свое влияние в рамках антропоцентрической парадигмы научного знания. С ее признанием, появляется все больше ученых, концентрирующих внимание на проблемах человека и его речевой деятельности. Лингвистика соприкасается с другими областями научного знания, и рождаются такие новые дисциплины, как: социолингвистика, коммуникативная лингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология и др. О.С. Иссерс называет это процессом лингвистической «экспансии», подразумевая под ним смещения акцента на такие языковые феномены, которые раньше считались недостаточно формальными либо рассматривались как предмет анализа смежных дисциплин [Иссерс, 2008: 51].

Определение принципов упорядоченности беседы или разговора, механизмов диалогического взаимодействия – это вопрос, занимающий умы многих ученых [О.С. Иссерс, М.Л. Макаров, Е.В. Ключев, В.С. Анохина, В.Б. Кашкин, Б.Ю. Городецкий, И.Н. Борисова, Т.Е. Янко, А.А. Романов, Н.Ф. Алефиренко, А.П. Сковородников, Н.И. Формановская, Т.А. ван Дейк]. Изучив теоретические и практические основы современного языкознания в работах представителей различных областей лингвистической науки, мы можем сделать вывод о том, что ученые сходятся во мнении, что язык обладает неограниченными возможностями, которые позволяют четко формулировать высказывание, а также планировать речевое воздействие. В свою очередь за каждым высказыванием стоят определенные интересы, знания и мотивы, которые и определяют коммуникативную цель дискурса. Для того чтобы выразить саму коммуникативную цель, может быть

недостаточно использование терминов конкретных речевых актов, пропозиций и пресуппозиций, в таком случае коммуниканты прибегают к более сложному явлению – речевой стратегии.

Термин «стратегия» в широком смысле – это некая общая инструкция для каждой конкретной ситуации интерпретации [Дейк ван, 2000: 10]. Ученый характеризует стратегию, прежде всего, как свойство когнитивных планов. Такие планы представляют собой общую организацию некоторой последовательности действий и включают цель или цели взаимодействия. Существует несколько способов достижения таких целей, и стратегии имеют отношение к «выбору», позволяющему человеку достичь этих целей [Дейк ван, 2000: 272].

М.Л. Макаров дает следующее определение стратегии: «стратегия – это цепь решений говорящего, коммуникативных выборов тех или иных речевых действий и языковых средств». Другая точка зрения связывает стратегию с реализацией набора целей в структуре общения. Эти два подхода не противоречат друг другу, наоборот, дополняя друг друга, они в совокупности намного полнее раскрывают многоуровневую и полифункциональную природу естественного языкового общения и его строение» [Макаров, 2003: 122]. Помимо самого определения, М.Л. Макаров выявляет такие свойства стратегии, как динамика и гибкость, отмечая, что в процессе коммуникации стратегии постоянно изменяются и всячески корректируются.

Ученые выделяют различные виды стратегий: когнитивные, дискурсивные, риторические, семантические [Т.А. ван Дейк], этикетные [М.Л. Макаров], пропозициональные [В. Кинч] и т.д., но наиболее частотными являются речевые и коммуникативные стратегии. Существуют, ученые, которые дифференцируют данные виды стратегий, делая акцент на одном из терминов.

В своем труде О.С. Иссерс пишет о том, что стратегия речевого поведения, или речевая стратегия, охватывает всю сферу построения процесса коммуникации, когда ставится целью достижение определенных

долговременных результатов. В самом общем смысле речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. Иными словами, речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [Иссерс, 2008: 54].

С.А. Сухих полагает, что «речевая стратегия» обуславливает «определенную последовательность действий говорящего в соответствии с планом (в случае волевого поведения) или установкой (в случае импульсивного поведения)» [Сухих, 1986: 73].

А.А. Романов рассматривает речевую стратегию говорящего как составляющую плана реализации иллюкутивного потенциала типового функционально-семантического поля. Данная стратегия раскрывает через определенные языковые форманты (показатели) иерархическое отношение между глобальной (основной) и тактическими (локальными) целями [Романов, 1988: 104].

Н.Ф. Алефиренко обозначает речевую стратегию как единицу более крупную, чем речевой акт и речевой жанр. Также он говорит о том, что речевая стратегия определяет основную задачу и генеральную интенцию общения (текста) [Алефиренко, 2005: 207].

Говоря о термине «коммуникативная стратегия», ученые подразумевают совокупность тактик, ходов, намерений или же планов для достижения коммуникативной цели: В.С. Анохина дает самое общее определение: «выбор определенной линии речевого поведения в конкретной ситуации в интересах достижения цели коммуникации» [Анохина, 2008: 66]. Е.В. Клюев понимает под коммуникативной стратегией «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [Клюев, 2001: 18]. В.Б. Кашкин указывает, что коммуникативная стратегия – это «часть коммуникативного поведения или

коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели» [Кашкин, 2000: 39]. Б.Ю. Городецкий дает очень емкое определение «коммуникативной стратегии»: это «совокупность, единство коммуникативных и практических целей» [Городецкий 1990: 49]. И.Н. Борисова выделяет два типа коммуникативных стратегий в диалоге: «осознанные, поддающиеся рефлексивному выявлению, связанные преимущественно с достижением предметно-практической или социально-практической цели (ср. влияние на партнера в таких видах социальной коммуникации, как политика, психотерапия, ведение дипломатических и деловых переговоров, реклама, судебная и следственная практика, управленческая коммуникация и др.), и подсознательные, не определяемые обдуманном планом, рациональным замыслом, а заданные общей установкой» [Борисова, 1996: 28]. Т.Е. Янко указывает, что «коммуникативная стратегия говорящего состоит в выборе коммуникативных намерений, распределении квантов информации по коммуникативным составляющим и выборе порядка следования коммуникативных составляющих в предложении [Янко, 2001: 38].

А.П. Сковородников, напротив, в своих исследованиях отождествляет термины «речевая стратегия» и «коммуникативная стратегия». Речевая (коммуникативная) стратегия, в понимании А.П. Сковородникова, – это общий план, или общая линия речевого поведения, определяемая коммуникативной целью (целями) говорящего/пишущего на основе осознания коммуникативной ситуации, под которой понимается совокупность факторов, влияющих на ход коммуникации (время и место коммуникации, интенции участников коммуникации, их профессиональные, возрастные и гендерные характеристики, социальные статусы и роли, особенности характера, тип межличностных отношений, эмоциональное состояние и другие факторы) [Сковородников 2012: 246–247].

Изучая стратегический аспект человеческой коммуникации, Т.А. ван Дейк делает акцент на семантических свойствах стратегий и средств их выражения. Таким образом, в своем исследовании ученый выделяет также *семантические стратегии*. Ученый утверждает, что «они, во-первых, нацелены на эффективное выражение семантических тем речевого акта и когнитивных моделей ситуации. Во-вторых, семантические стратегии имеют интеракциональные и социальные цели, а именно управление умозаключениями, производимыми слушающим относительно личностных и социальных характеристик говорящего» [Дейк ван, 2000: 279].

О.С. Иссерс, вслед за Т.А. ван Дейком, утверждает, что семантическая стратегия может быть определена как способ индуцирования желательной семантики, которое осуществляется через использование различных языковых ресурсов. Семантические стратегии определяют, как, и какими языковыми средствами цель может быть достигнута. Следовательно, стратегии этого типа имеют непосредственное отношение к выбору семантических, стилистических и прагматических средств [Иссерс, 1997: 54].

Т.А. ван Дейк в своей работе также выделяет такое понятие как «ход». Он утверждает, что: «стратегии обычно состоят из нескольких «шагов», или ходов», а также приводит наглядный пример: «в рамках стратегии «позитивной самопрезентации» могут потребоваться ходы, которые нейтрализуют негативные умозаключения, которые могут быть сделаны на основе предыдущих или последующих ходов, таких, например, как поправки или заблаговременные уступки» [Дейк ван, 2000: 277]. Исходя из определения, вы можем сделать вывод, что ван Дейк отождествляет понятие «тактика» и «ход». Говоря о ходах, ученый называет их «семантическими» и выделяет в их составе примеры, пояснения, обобщения, краткое изложение, объявление о чем-либо и т.д. [Дейк ван, 2000: 278].

Опираясь на определение, данное Т.А. ван Дейком, мы можем сделать вывод о том, что наиболее подходящей для изучения феномена социальной стигматизации, который, в свою очередь, протекает в рамках повседневной

речевой коммуникации, является именно семантическая стратегия и семантические ходы в ее составе, так как ее основной целью является выражение смыслового намерения или воздействия говорящего. Также стоит отметить, что семантические стратегии, в первую очередь, нацелены на социальное взаимодействие, что мы зачастую наблюдаем в рамках акта социальной стигматизации.

Таким образом, в данном параграфе нами были рассмотрены понятия «речевых» и «коммуникативных» стратегий. Помимо этого, особое внимание было уделено определениям «семантических стратегий и ходов», что, в свою очередь, привело к выбору последних в качестве основополагающих терминов данной работы, по причине актуальности такого вида стратегий для исследования феномена социальной стигматизации в рамках повседневной коммуникации.

1.2. Стратегический подход в исследовании речевого акта

Так как речевые (коммуникативные) стратегии и тактики являются составляющими коммуникативной ситуации, а также такого более узкого явления, как речевой акт, рассмотрим несколько моделей анализа речевого акта, выдвинутых как отечественными, так и зарубежными учеными, такими как: О.С. Иссерс, Л.Л. Федорова, А.П. Сковородников, Э.А. Королькова, Т.А. ван Дейк.

Рассмотрим функциональную модель О.С. Иссерс, основанную на исследованиях Т.А. ван Дейка. В своих исследованиях О.С. Иссерс описывает функционирующую модель с помощью определенной цепочки действий: стратегия, тактика, коммуникативный ход. Данная модель предполагает выбор определенной стратегии, далее выбор набора тактик, с помощью которых будет осуществляться данная стратегия, а также коммуникативных ходов, служащих инструментом для реализации той или иной тактики.

Для того чтобы связать в рамках данной модели тактики и коммуникативные ходы, следует выявить наиболее типичные операции, которые лежат в основе тактических приемов. К ним можно отнести операции над базовыми категориями речевого воздействия («свой – чужой», «хорошо – плохо», «выгодно – невыгодно», «норма – аномалия» и т.д.) [Иссерс, 2008: 114]. «Оптимальная стратегия требует, чтобы каждый ход вносил максимальный вклад в реализацию стратегической сверхзадачи. Кроме того, выбор коммуникативного хода происходит с учетом текстовых и контекстных последствий предыдущих ходов» – утверждает О.С. Иссерс [Иссерс, 2008: 115].

Примерами речевых тактик по О.С. Иссерс являются: установление и поддержание контакта, эмоционально настаивающая тактика, моделирование общих пресуппозиций, обвинение, упрек, угроза, оправдание и др. В качестве индикаторов речевых тактик, О.С. Иссерс обозначает семантические клише, особенности референции (обозначение событий, участников коммуникации, действий и т.д.), а также знания о мире (фреймы, сценарии, пресуппозиции, пропозиции).

Следующая модель, которую мы рассмотрим в рамках данной работы, – это модель акта речевого взаимодействия авторства Л.Л. Федоровой. Подробнее говоря о данной модели, можно процитировать самого автора: «модель речевого взаимодействия описывает элементарный диалог, однако она может быть распространена и на более сложные случаи речевого общения. Как для отдельных актов речевого взаимодействия, так и для диалога в целом можно говорить о целях речевого воздействия (целях общения) и коммуникативных целях (целях сообщения) его участников. Цель общения инициатора диалога задает его стратегию, в то время как конкретные речевоздействующие цели собеседников в каждом акте речевого взаимодействия задают тактику ведения диалога» [Федорова, 1991: 47].

В соответствии с предложенной моделью, Л.Л. Федорова выстраивает типологию речевых воздействий, которая включает в себя: социальные

воздействия (приветствия, прощания, извинения), волеизъявления (приказ, призыв, разрешение, просьба и тд.), разъяснение и информирование (признаваться, докладывать, извещать), оценочные и эмоциональные речевые воздействия (порицание, похвала, защита и тд.).

А.П. Сковородников и Э.А. Королькова в своем исследовании, посвященном проблеме политической информационно-психологической войне в России, выделяют одну генеральную стратегию — стратегию дискредитации — и ее субстратегии: дезинформация, диффамация, дегероизация, «глушение» (или искажение исторической памяти), примитивизация сознания, осмеяние и др. Ученым удалось выяснить, что генеральная стратегия дискредитации реализуется с помощью тактик, языковых средств и приемов, в том числе тропов и речевых фигур, использование которых нарушает лингвопрагматические принципы (постулаты, максимы), носящие в основном этический характер [Сковородников, Королькова, 2015: 163].

Ученые также выделяют следующие тактики: тактика иронии, сарказма и оскорблений, тактика уничижительно-иронического преуменьшения каких-либо достоинств, тактика многократного повторения дискредитируемого слова-понятия, тактика изображения оппонента интеллектуально неполноценным, тактика привлечения авторитетного источника, тактика «навешивания» ярлыков, тактика создания компрометирующих ассоциаций, тактика подмены понятий и др.

В данном параграфе мы уделили внимание стратегическим моделям исследования речевого акта. Далее мы подробно рассмотрим модель Т.А. ван Дейка, так как его исследование считается авторитетным в научном сообществе и множество ученых ссылается на его труд (О.С. Иссерс, В.Н. Василина, Н.А. Арутюнова и др.).

1.2.1. Модель анализа семантических стратегий выражения этнических предрассудков Т.А. ван Дейка

Говоря об этнической модели Т.А. ван Дейка, следует упомянуть, что в его работе был проведен анализ стратегий, используемых говорящими в ходе интервью по поводу групп-меньшинств в Нидерландах. Такой анализ не только оказал влияние на более глубокое понимание социальной обусловленности обыденной речи, также он помог раскрыть социальные функции предрассудочной речи (*prejudiced talk*) и стратегии, которые используют представители этнического большинства, выражая свои убеждения и мнения относительно этнических меньшинств.

Ученый утверждает, что разговор о меньшинствах выполняет роль социальной переработки информации: убеждения относительно других социальных групп передаются или «нормализуются» в соответствии с убеждениями представителей той группы, к которой принадлежит говорящий. В процессе оценки представителей этнических меньшинств и их действий могут быть вербализованы также и преобладающие нормы, ценности и установки. Помимо этих разнообразных функций в рамках формирования социальных понятий и внутригрупповых отношений, говорящие могут достигать и более частных целей и принципов диалога как формы взаимодействия [Дейк ван, 2000: 269].

Процесс социальной стигматизации напрямую соотносится с процессом возникновения предрассудков об этнических меньшинствах, поскольку в рамках социальной стигматизации также выделяются меньшинства, которые, в свою очередь, детерминируются по какому-либо ярко выраженному признаку: пол, раса, возраст, внешность, сексуальные предпочтения и др. Опираясь на модель Т.А. ван Дейка, мы рассматриваем, каким образом стратегии в разговоре о меньшинствах или с членами различных меньшинств репрезентируются в повседневной коммуникации японцев, представителей азиатской культуры, ранее не изученной в рамках

данной модели. Итак, стратегии, которые включены в этническую модель, построенную этнически предубежденными людьми, вполне приспособлены для такой «негативной» организации моделей ситуации [Дейк ван, 2000: 179].

В исследовании Т.А. ван Дейк выяснил, что «разговор о меньшинствах носит в высшей степени стратегический характер: с одной стороны, люди по возможности хотят выразить свое негативное отношение к ним или дать им негативную оценку, а с другой стороны, существующие социальные нормы обязывают людей производить хорошее впечатление и не казаться расистами» [Дейк ван, 2000: 174].

Также ученый замечает, что «в ряде случаев эти конфликтующие стратегии самовыражения и положительного самопредставления можно наблюдать по их отражению в семантических процессах, стилистическом выборе той или иной пропозиции, риторических приемах и в ряде разговорных элементов (паузах, исправлениях, поправках, неправильных началах предложений или текстов)» [Дейк ван, 2000: 175].

В модели анализа этнических предубеждений, Т.А. ван Дейк, в рамках глобальной семантической стратегии выделяет следующие ходы:

1. **Обобщение.** Данный ход используется для того, чтобы показать, что только что приведенная негативная информация не «случайна», а подкреплена возможным общественным мнением. Для выражения такого хода часто используются фразы: «И так всегда», «Это постоянно повторяется», «Сталкиваешься с этим на каждом шагу».

Люди описывают какие-либо аспекты единичного опыта, то есть частную модель, но, чтобы усилить весомость и когнитивную полезность этнических оценок, они склонны обобщать такую модель до более общей групповой схемы. Свойства индивидуальных участников ситуации или событий принимаются при этом за свойства всех членов группы или всех этнически маркированных ситуаций. Может случиться и обратное. Общие свойства, приписанные группе или прототипическому представителю группы,

превращаются в частные для отдельного индивида или единственного события [Дейк ван, 2000: 290].

2. Усиление. Ход, направленный на более эффективный контроль внимания слушающего или подчеркивания субъективного мнения («привлечение внимания»). Типовые выражения: «Это ужасно, что... позор, что...». Этот ход также может влиять на употребление кванторов (когда говорят «все» вместо «многие», «всегда» вместо «часто») или на выбор более положительного или более отрицательного оценочного предиката, такого, как, например, «просто позор» после слов «это ужасно».

3. (Очевидные) уступки. Ход, дающий возможность для условного обобщения даже в случае привлечения противоречащих примеров либо позволяющий продемонстрировать реальную или воображаемую терпимость и сочувствие. Типовые выражения: «Среди них попадаются и хорошие люди», «Не стоит обобщать, но...».

Уступки бывают различных типов. Например, до или после негативных оценок говорящие часто утверждают, что у представителей меньшинств есть и «хорошие качества». Подобным же образом могут отвергаться фактические права (например, право на социальное обеспечение), тогда как более общие права не вызывают возражений (например, «Они имеют право здесь жить»).

Кроме того, уступки типичны, когда речь идет о возможных отрицательных качествах некоторых членов МЫ-группы до или после утверждений о тех же качествах ОНИ-группы: «Они ломают деревья в нашем парке. Конечно, и голландские дети делают то же самое».

4. Повтор. Формульный ход, функции которого близки к усилению: привлечение внимания, структурирование информации, подчеркивание субъективных оценок, более значительных тем и т.д. Семантическая функция данного хода состоит в приписывании дополнительного «веса» или «значимости» повторенной пропозиции или утверждению.

5. Контраст. Ход, имеющий несколько когнитивных функций. Риторическую: привлечение внимания к участникам отношения контраста

(структурирование информации). Семантическую: подчеркивание положительных и отрицательных оценок людей, их действий или свойств – часто путем противопоставления МЫ-группы и ОНИ-группы (типичный пример: «Нам приходилось долгие годы трудиться, а они получают пособие и ничего не делают», и все ситуации, где прослеживается конфликт интересов).

6. Уклонение. В действительности это набор различных ходов, включенных в более общую стратегию уклонения. Типовые выражения: «Не знаю», «Я с ними не общаюсь», «Мне все равно, что они делают», «У меня нет времени...».

7. Сдвиг. Этот ход характерен для стратегии положительной самопрезентации. Типичный пример: «Мне-то, в общем, все равно, но другие соседи с нашей улицы возмущаются». Это ход, при котором ранее выраженное личное отрицательное мнение «сдвигается», приписывается другим, например другим членам МЫ-группы.

8. Пресуппозиция, предположение, косвенный речевой акт. Это семантические и прагматические ходы, позволяющие говорящему избежать формулирования некоторых частных суждений, а именно отрицательных замечаний или оценок, или перевести их в русло более общих, общепризнанных знаний или мнений, за которые говорящий не несет ответственности, объединенные в группу стратегий. Некоторые типовые показатели – обычные маркеры пресуппозиции (например, местоимения, определенные артикли, придаточные с союзом «что» при некоторых глаголах, специальные частицы и наречия, такие, как «даже», «также» и т.п.), использование 2-го лица для более абстрагированной или общей референции («все время с этим сталкиваешься»), расплывчатые выражения («и тому подобные вещи»), незаконченные предложения и случаи из жизни и т.д. [Дейк ван, 2000: 299].

Пресуппозиция – термин лингвистической семантики, обозначающий компонент смысла предложения, который должен быть истинным для того,

чтобы предложение не воспринималось как семантически аномальное или неуместное в данном контексте [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990].

Говоря о косвенном речевом акте, М.Л. Макаров в своем исследовании пишет: «Далеко не всегда говорящий, произнося какое-то предложение, имеет в виду ровно столько и буквально то, что он говорит. Такая смысловая простота и однозначность присущи отнюдь не всем высказываниям на естественном языке: при намеках, иронии, метафоре и т. п. буквальное значение предложения и смысл, подразумеваемый данным говорящим в данной ситуации расходятся. Это и есть косвенный речевой акт» [Макаров, 107].

Т.А. ван Дейк также разделяет стратегии на следующие группы: стратегии маскировки (имплицитность, косвенные речевые акты, расплывчатость, пресуппозиция, уклонение от темы), защиты (извинение, оправдание, объяснение, сдвиг), обвинения (обвинение, взваливание вины на другого, сравнение, экспликация норм и вообще все негативные предикации) и позитивной самопрезентации (готовность к признанию, уступка, согласие, расположение, самооценка, уважение норм, эмпатия) [Дейк ван, 2000: 293].

Итак, в данном параграфе были рассмотрены функциональные модели исследования речевого акта различных ученых (Т.А. ван Дейк, Л.Л. Федорова, О.С. Иссерс, А.П. Сковородников, Э.А. Королькова), в конечном итоге за основу данной работы была выбрана этническая модель Т.А. ван Дейка по нескольким причинам: во первых, высокий интерес исследователя к теме этнических предубеждений и дискриминации, что близко основной тематике нашего исследования, во вторых, наличие вариативного понятийного аппарата, в третьих, безусловная популярность и авторитетность исследования, что подтверждается наличием работ, базирующихся на трудах ван Дейка (О.С. Иссерс, В.Н. Василина, Н.А. Арутюнова).

1.3. Феномен стигматизации: от социологии к лингвистике

«Стигма» – относительно новое понятие в современной науке. В словарях В.И. Даля и С.И. Ожегова определение им отсутствует. А потому, для раскрытия значения стигмы в работе использованы более современные источники.

Для начала, следует разделить понятия «стигма» и «стигматизация». Лексема «стигма» произошла от греческого [stigma], что в переводе значит «пятно» [Большой толковый социологический словарь, 1999]. Словарь «Oxford English Dictionary» определяет стигму как знак позора, связанный с определенным обстоятельством, качеством или человеком [Oxford English Dictionary, 2010].

Энциклопедия социологии дает стигме следующее определение: «знак бесчестья, налагаемый на индивида другими индивидами или социальными группами, любая негативная санкция или неодобрение чьей-либо неконформности. Или же стихийное применение моральных санкций через выражение презрения по отношению к нарушителям важных моральных норм, что приводит к их изоляции [Энциклопедия социологии, 2009].

Лексема «стигма» легла в основу номинации исследуемого нами феномена «стигматизация». Термин принадлежит американскому социологу И. Гофману, который трактует его следующим образом: стигматизация – это процесс присвоения человеку негативной ассоциации с чем-либо позорным, непрестижным, отталкивающим. При встрече с незнакомым человеком, мы можем заметить свидетельство того, что он обладает неким качеством, отличающим его от других людей его категории и являющимся нежелательным для него [Гофман, 1963]. Далее исследователь уточняет, что «в крайнем случае, этот человек может быть основательно испорченным, опасным или слабым. Таким образом, в нашем сознании он превращается из цельного, обычного человека, в неполноценного, обладающего каким-либо дефектом».

Проанализировав два этих термина, мы видим, что «стигма» определяется как «знак, символ, клеймо», а под «стигматизацией» понимается «действие по отношению к индивиду, навешивание ярлыка, клеймение». Нередко термин «стигматизация» сопровождает прилагательное «социальная», что обусловлено тем, что данный процесс, как правило, протекает в обществе. В данной работе мы будем придерживаться термина «социальная стигматизация», так как изучаем то, с помощью чего осуществляется стигматизация в японском обществе.

Далее обратимся к истории происхождения данного феномена. По мнению И. Гофмана, стигматизация в своем формировании проходит ряд этапов. Первым этапом считается возникновение термина «стигма» в древней Греции для описания телесных знаков со значением чего-либо отторгающего, неприятного в моральном статусе человека. Такие знаки обычно вырезались или выжигались на теле человека и говорили о том, что их носитель преступник или изменник, раб, другими словами, человек, подвергший себя позору, тот, которого следует сторониться. Но в то время они еще не знали, как называются их действия, и только в двадцатом веке термин «стигма» был введен в употребление.

Позднее, люди придали «стигме» несколько новых значений: во-первых, сыпь на коже стала восприниматься как свидетельство божьей милости и, во-вторых, аналогичный статус обрели телесные свидетельства каких-либо физических недостатков, то есть люди связали медицинский фактор с религией. Сейчас, этот термин широко используется главным образом в первоначальном буквальном смысле, однако не столько обозначает знак на теле, сколько указывает на постыдный статус индивида как таковой. Изменения затронули даже и взгляды на то, какой статус или поступок считать постыдным [Гофман, 1963: 5].

Истоки теоретического осмысления стигматизации как социокультурного феномена, по мнению Ю.Л. Сироткина, «можно разглядеть в символическом интеракционизме Дж.Г. Мида,

драматургическом подходе И. Гоффмана, концепции социального обмена Дж. Хоманса и теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лумана» [Сироткин, 2015].

В процессе изучения значения и происхождения феномена «социальной стигматизации», мы столкнулись с различными смежными понятиями, такими как: стереотип, предрассудок, предубеждение, дискриминация, идзимэ (от яп. いじめ «издевательство»), поэтому далее будет проведена их дифференциация.

Стереотип – это принятый в исторической общности образец восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанный на предшествующем социальном опыте [Lippman; цит. по: Барчунова, 2004: 65]. Данное определение было введено американским социологом Уолтером Липпманом [Lippman, 1922].

В работе М. Биернат и Дж. Довидио представлен анализ социально-психологических традиций изучения стигмы и стереотипа [Biernat, Dovidio, 2000]. Авторы указывают, что «стигма и стереотип – близкие понятия, но не идентичные, ибо существует значительное число ситуаций, когда стигма существует без стереотипа и наоборот. Однако стереотипы вовлечены в процесс стигматизации, и об этом можно говорить тогда, когда сторона, воспринимающая стигму, не только дает негативную реакцию на носителя стигмы, но использует набор характеристик, которые описывают людей, разделяющих стигму». Если принимать во внимание три типа стигмы, которые различает И. Гофман, то стереотипы вовлечены в процесс стигматизации преимущественно в двух случаях из трех: в случае родовой стигмы, а также в случае дефекта индивидуального характера [Biernat, Dovidio, 2000: 245].

Предрассудок, буквально – устойчивое предубеждение по поводу какого-либо аспекта реальности, отдельных индивидов, как представителей отдельных социальных групп, или социальных групп в целом. [Энциклопедия социологии, 2009].

Предубеждение – предвзятое, заранее сложившееся отрицательное мнение о ком-либо, чем-либо [Социологический энциклопедический словарь, 1998].

Дискриминация – ограничение или лишение прав определенной категории граждан по признаку расовой или национальной принадлежности, по признаку пола и т.д. [Новый словарь иностранных слов, 2008].

Идзимэ – это слово, обозначающее издевательство на японском языке. Министерство образования Японии определяет идзимэ как особую форму агрессии, физической или психологической, которая осуществляется в одностороннем порядке и непрерывно против кого-то более слабого [Monbushō Ijime Mondai Kenkyūkai (hereafter МІМК), 1997: 3].

По мнению японского социолога Т. Мино, более конкретное описание дает представление о человеке, который отклоняется от «среднего» или «большинства», другими словами, кто не соответствует групповой норме, становится мишенью для группы сверстников. Они не уважают и не одобряют тех, кто отличается от других. Японские дети демонстрируют это благосклонное отношение к тем, кто может соответствовать, своим сильным неприятием, часто выражающимся в безразличии и саркастическом отношении, к тем, кто отклоняется от группового стандарта. Чрезмерное отвержение часто вызывает агрессию, которая перерастает в поведение идзимэ [Mino, 2006].

Социальная стигматизация и идзимэ находятся в разных плоскостях знания, но часто могут пересекаться в зависимости от ситуации социальной коммуникации. Помимо этого, стигматизация проявляется к человеку или группе людей со стороны целого общества, а не одного человека, а идзимэ может быть выражено как со стороны какого-либо круга, так и индивидуально. В данном исследовании мы изучаем именно феномен социальной стигматизации исходя из того, что социальная стигматизация включает в себя широкий круг социальных факторов и может проявляться в самых разных ситуациях человеческого взаимодействия.

Прежде чем перейти к рассмотрению социальной стигматизации в рамках лингвистической науки, следует отметить, что феномен стигматизации только начинает внедряться в область языкознания и рассматривается преимущественно через призму социолингвистики, культурологии и когнитивной лингвистики. В отечественном языкознании наблюдается нехватка исследований стигматизации, поэтому для рассмотрения этого феномена в лингвистических исследованиях отечественных трудов недостаточно.

В основе изучения стигматизации в аспекте лингвистики лежат труды ученых из Великобритании и США [Bowen, Kinderman, Cooke, Lawson]. Например, одно из последних исследований британского доктора философии М. Боуэна было направлено на проведение лингвистического анализа английских таблоидов с точки зрения их отношения к людям, больным шизофренией. Исследование показало, что, хотя пресса в значительной степени избегает использования отталкивающих слов таких как «шизофреник» и «психопат», они все же используют целый ряд графических выражений, чтобы представить людям диагноз шизофрении как пугающе «другой» и как склонный к насилию [Bowen, Kinderman, Cooke, 2019].

Профессор из университета Джорштауна, США, Н.Д. Лоусон провел исследование об общественном восприятии риска психических расстройств в Соединенных Штатах Америки и ассоциации заболеваний со стигматизацией [Nicholas D. Lawson, 2016].

Помимо британских и американских ученых, феноменом стигматизации интересуются исследователи других стран. Группа ученых из Турции изучила возникновение стигматизации по вине специалистов-психиатров в отношении психически больных людей [Ozer, Varlik, Ceri, Ince, Arslan-Delice, 2017]. В настоящем исследовании изучается вопрос об использовании языка стигматизации в связи с психическими заболеваниями среди специалистов-психиатров, а также об их убеждениях в отношении психических заболеваний [Ozer, Varlik, Ceri, Ince, Arslan-Delice, 2017: 224].

Помимо зарубежных ученых, феномен социальной стигматизации рассматривался и отечественными исследователями в рамках таких направлений, как когнитивная лингвистика, социолингвистика и лингвокультурология.

А.М. Олешкова провела исследование, в котором раскрываются особенности процесса стереотипизации и стигматизации, а также предложен алгоритм анализа стереотипов, с помощью которых в процессе коммуникации субъект стигматизирует другого и формирует упрощенный образ социокультурной реальности [Олешкова, 2020а: 21].

Еще одна работа исследователя посвящена изучению лексем «Другой» и «Норма» в контексте клинического дискурса. А.М. Олешкова пишет о том, что «клинический дискурс позволяет нам рассматривать предмет исследования сам по себе, вне его субъективности; общение как патологическое пространство, в котором доминирующими стратегиями являются стигматизация, нетерпимость, депривация и изоляция Другого» [Олешкова, 2020б: 23].

Другой российский ученый А.С. Кузякин провел исследование о пути образования негативных значений и коннотаций у английских однословных этно-инвектив [Кузякин, 2016]. Исследователь утверждает, что «данная стигматизация появляется, во-первых, вследствие прямой номинации, фокусирующейся на дифференциальных признаках иноплеменников, воспринимаемых как отступление от национальной нормы, во-вторых, вследствие вторичной номинации на основе метафорических и метонимических переносов, в-третьих, в результате реализации экспрессивных средств языка на лексико-грамматическом, стилистическом, фонетическом и фразеологическом уровнях» [Кузякин, 2016: 22].

Проанализировав явление социальной стигматизации, мы установили, что это сложный процесс «навешивания ярлыка», к которому, как отечественные, так и зарубежные исследователи только начали проявлять научный интерес в рамках лингвистики, поэтому актуальность изучения

данного феномена на практике не вызывает сомнений. Особенно релевантным мы подразумеваем исследование социальной стигматизации на примере японской лингвокультуры так как в японском обществе данная проблема стоит наиболее остро за счет коллективистского типа культуры и высокой стандартизации общества.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В первой главе дипломной работы определен ее понятийно-терминологический аппарат и сформулированы теоретические основы анализа выбранного материала.

В первом параграфе изучен ключевой термин настоящего исследования – «стратегия». Систематизация существующих подходов к изучению стратегий в лингвистике и дифференциация смежных понятий («коммуникативная стратегия», «речевая стратегия», «семантическая стратегия») позволили установить, что наиболее подходящим в рамках данного исследования является термин «семантическая стратегия», таким образом, в качестве основы данного исследования был выбран терминологический аппарат Т.А. ван Дейка, поскольку мы рассматриваем особенности репрезентации феномена социальной стигматизации с помощью различных речевых средств, в том числе, семантических, что коррелирует с основными терминами аппарата.

Во втором параграфе данной работы, применив сравнительно-сопоставительный анализ, мы рассмотрели модели анализа речевого акта отечественных и зарубежных ученых (Т.А. ван Дейк, О.С. Иссерс, Л.Л. Фёдорова, А.П. Сквородников, Э.А. Королькова). Итогом стал выбор этнической модели Т.А. ван Дейка в качестве основы данной работы по причине высокого интереса исследователя к теме меньшинств, этнических предубеждений и дискриминации, что близко основной тематике нашего исследования.

В заключительном параграфе было рассмотрено ключевое понятие исследования – «социальная стигматизация». При помощи таких методов как, сравнительно-сопоставительный, описательный, анализ, синтез, обобщение, было описано происхождение термина, его определение и различные направления его изучения. Феномен социальной стигматизации находил свое

отражение в работах многих ученых (Bernburg; Бовина; Олешкова). В нашем исследовании мы будем опираться на определение, данное И. Гофманом.

Применив сравнительно-сопоставительный анализ, мы проанализировали и дифференцировали такие понятия как, стереотип, предубеждение, дискриминация, идзимэ и предрассудок. Кроме того, нами были выявлены схожие и различные черты в соотношении с ключевым термином исследования. Главным отличием термина «стигматизация» от перечисленных является то, что в рамках социальной стигматизации, проводится четкая черта между индивидом или стигматизируемой группой и обществом в целом, а не отдельным человеком, тем не менее, не лишая его прав или свобод.

Также в ходе работы нами были рассмотрены исследования отечественных и зарубежных ученых на тему социальной стигматизации через призму различных направлений лингвистической науки. Благодаря анализу отобранных трудов нам удалось выявить, что социальная стигматизация достаточно широко изучена в размах психолингвистики, но в других областях только начинает формироваться исследовательский интерес к данному феномену.

Опираясь на теоретические положения работы, в практической части нашего исследования с помощью методов семантического, лингвокультурного, контекстологического и стилистического анализа, мы рассмотрим, частотность использования стратегий социальной стигматизации в японском обществе, а также с помощью каких языковых средств реализуются составные части стратегий – ходы на материале японского кинематографа.

ГЛАВА 2. СТРАТЕГИИ И СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТИГМАТИЗАЦИИ В ЯПОНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В практической части данной работы будут проанализированы стратегии, а также их составляющие – ходы, способы их репрезентации в ситуациях социальной стигматизации в японской повседневной коммуникации. Такими ходами являются: сдвиг, (очевидная) уступка, обобщение, повтор, уклонение, контраст, усиление, а также, объединенные в одну группу ходы пресуппозиция, предположение, косвенный речевой акт. В качестве методологии исследования мы использовали методы лексико-семантического, морфо-семантического, элементы лингвокультурного и контекстуального анализа.

2.1. Сдвиг

«Сдвиг» характерно используется в рамках стратегии положительной самопрезентации. С помощью данного хода, говорящий «маскирует» свое мнение за мнением другого человека или общества в целом в стремлении «не потерять лицо». «Сдвиг» зачастую носит имплицитный характер так как репрезентируется с помощью речевых средств, не имеющих негативной коннотации:

В сериале «14-летняя мама» (14才の母) после рождения ребенка главная героиня (Мики) скоро должна вернуться домой из роддома, в это время соседи ее семьи Мики узнают о случившемся и обращаются к ее матери:

隣人: おめでとうございます。お嬢さんご退院なんですね。

Соседка: Поздравляю! Вашу дочь выписали из больницы, не так ли?

お母さん: あの、何かと賑やかになるとは思いますが、どうぞよろしく
お願いいたします。

Мама: Я думаю, что здесь станет шумно. Пожалуйста, будьте терпимы.

隣人: あの、ここでずっと育てるつもりですか。こんなこと言いたくないんだけど。。。ほらうちも同じ年頃の娘がいるでしょ、困ってるのよ。中学生で子供を産むのが当たり前だなって思われたらどうしょうってね。うちはまだ小さいけど、どうやったら子供ができる能なんてひかれて。。。。

Соседка: Вы собираетесь продолжать растить ребенка здесь? Мне неприятно это говорить, но... Видите ли, у меня дочь примерно того же возраста, что и ваша, и я беспокоюсь. Я не знаю, что делать, если она начнет считать нормальным иметь ребенка в младшей школе, понимаете? Она еще маленькая, но уже спрашивает меня, как завести ребенка.

各授かった命に水を差すつもりはないんだけど、この辺りみんな正直影響が大きすぎるって言ってるんだよね。どこか誰も知らない土地へ行かれた方がね。赤ちゃんものびのび育ったんじゃないか。

Я не хочу омрачать подаренную вам жизнь, но люди здесь честно говорят, что это слишком сильно влияет на них. Вам следует отправиться в место, где вы никого не знаете, вы так не думаете? Я уверена, что ребенок вырастет замечательным.

Рассмотрим пример употребления «сдвига» в предложении «各授かった命に水を差すつもりはないんだけど、この辺りみんな正直影響が大きすぎるって言ってるんだよね», что мы переводим как: «Я не хочу омрачать подаренную вам жизнь, но люди здесь честно говорят, что это слишком сильно влияет на них». Главная цель стратегии – это достижение положительной самопрезентации, что в примере выражается нежеланием говорящего «омрачать жизнь» семье, в которой недавно родила 14-летняя девочка, следующей фразой: «水を差すつもりはない».

В основе этого высказывания лежит японская идиома 水を差す/ мидзу о сасу/, что мы дословно можем перевести как «лить воду», но японский словарь «Weblio» дает нам более подробное описание значения этой фразы. Данная идиома происходит от закономерности добавления жидкости во что-либо. Если добавить горячей воды в холодную, то она станет еле теплой, также, если добавить воды во что-то густое, оно станет вязким. Получается и не горячее и не холодное, и не густое и не жидкое. Таким образом, в данной идиоме вода уподобляется какому-либо беспокойству или вмешательству, когда дела идут хорошо [Weblio: 2022].

Хотя соседка и не хочет «подливать воды» семье Мики, далее она использует характерное для данного хода «но», выраженное японским «*んだけど*». Данная частица в японском языке носит противительную функцию и переводится как «но, однако, только». Также функционирует в качестве смягчения высказывания и выражения неопределенности [Большой словарь японского языка: 2006].

Следом она высказывает мнение других людей, противопоставляя своему, но на самом деле, она подразумевает мнение большинства, МЫ-группы, к которой она себя причисляет и разделяет их мнение, но, тем не менее, говорит, что не желает «омрачать жизнь» исключительно из желания «не потерять лицо», таким образом достигается желаемый говорящим эффект социальной стигматизации.

Помимо этого, для успешного применения «сдвига», языковые средства его репрезентации используются исключительно нейтральные, хотя информация имеет стигматизирующий характер (соседки советуют уехать из этого места, отделяя эту семью от остальных), говорящий использует нейтрально-вежливые: формальные *-ます* /масу/, *-です* /дэсу/ формы, отсутствие уничижительных грамматических конструкций и номинаций.

Использование *-ます* /масу/, *-です* /дэсу/ форм характеризует типичное для актов социальной стигматизации дистанцирование. В повседневной речи,

со знакомыми, семьей, друзьями или ровесниками, японцем свойственно прибегать к более простому языку, упраздняя вежливо-нейтральные формы, тем самым впуская человека в свой круг общения, признавая его. В данном случае, соседка намеренно использует такие языковые средства в разговоре с соседкой своего возраста, чтобы продемонстрировать неприятие и отторжение общества, тем самым оказывая стигматизирующее воздействие на меньшинство, состоящее из родившей 14-летней девочки и ее родителей [Алпатов: 469].

Таким образом, на *лексическо-семантическом* уровне, мы наблюдаем отсутствие в речи стилистически сниженной лексики и маркеров категоричности высказывания, вместо этого говорящий использует идиому «水を差す», что свидетельствует о метафоричности, имплицитности высказывания. На *грамматическом* уровне мы отмечаем использование противительной частицы *けど* /кэдо/, на грамматико-стилистическом - вежливо-нейтральные формы *-ます* /масу/, *-です* /дэсу/.

В следующем примере главная героиня фильма «По пути в школу: На полпути» (通学途中) Юки – очень примерная тихая девочка. Она во всем слушается родителей, отлично учится и дополнительно занимается рисованием. Ее отец главный хирург в больнице, принадлежащей ее семье, поэтому ее родные возлагают на нее большие надежды. Когда мама узнала о том, что Юки познакомилась с простым парнем, работающим в супермаркете, она высказала свое неодобрение.

母： どうしてひがしこの人たちを知っているわけ？ 柄がわるくて、パパもママもびっくりしたわ。まま、はるかわくんのお父さんを知っているのよ。たくさんの店を経営されていて。はるかわくんならゆきちゃんの友達に相応しいかもしれないけど、でも服装はだらしないし。お父様も苦勞をするよね。も面会ことがやめなさい！

Мама: Откуда ты знаешь учеников Хигасико? У него дурной нрав, даже мама и папой в шоке. Я знаю отца Харукавы. Его семья владеет сетью

магазинов. Харукава, конечно, мог бы быть твоим другом, но его внешний вид такой неотесанный. Твой отец приложил так много усилий... Я запрещаю тебе видеться с ним!

娘：ママは何も分かってない！

Дочь: Ты ничего не понимаешь!

«Сдвиг» явно выражен в предложении, выделенном жирным шрифтом. Мама Юки использует данный ход в рамках стратегии положительной самопрезентации, с целью не выглядеть в глазах дочери жестокой. «Сдвиг» в высказывании выражен несколькими речевыми средствами. Во-первых, рассмотрим конструкцию *かもしれない/камосирэнай/*. Данная конструкция выражает неопределенность или маловероятность действия. Используя *かもしれない* в речи, мама героини говорит о том, что мальчик может быть другом ее дочери, но на это есть очень маленький шанс из-за его низкого социального происхождения, тем самым отделяя его от себя и себе подобных.

В сочетании с *かもしれない* говорящий использует часто встречающееся в примерах использования данного хода *けど/кэдо/*, с помощью которого проявляется противоречие собственному мнению. «Мальчик мог бы быть твоим другом, **НО** я бы не хотела потому что...» – как бы говорит мама.

Помимо этого, стоит отметить, что говорящий следом использует *でも/дэмо/* - частицу, также имеющую значение «но, однако». Таким образом, дважды подчеркивая то, что он все таки не может быть другом ее дочери и сказала она это только для положительной самопрезентации в глазах слушающего. В конце концов, мама подчеркивает разницу положения Юки и ее друга, обращая внимание на его внешний вид фразой: *服装はだらしない/фукусю: ва дарасинай/*, имеющей значение «неряшливая, неопрятная, недостойная одежда».

В данном примере на *лексическом уровне* мы отмечаем использование качественного прилагательного с негативной коннотацией *だらしない*

/дарасинай/. На *грамматическом* наблюдается использование конструкции *かもしれない/камосирэнай/*, а также противительных частиц *けど/кэдо/* и *でも/дэмо/*.

Пример из японской драмы «Когда вяжут серьезно» (彼らが本気で編むときは). Мать 11-летней девочки Томо, в очередной раз оставляет ее одну, и главная героиня вынуждена переехать к своему дяде. Там она встречает необычную женщину Ринко, которая раньше была мужчиной и сделала операцию по смене пола.

Ринко и Томо пошли в продуктовый магазин, где их вместе увидела мама одноклассника главной героини. Она обратилась к Томо со следующим высказыванием:

—あなたが大丈夫？ 随分変な人と一緒にいるから。余計な世話かもしれないけど、ああゆう種類とあつまり一緒にいない方が、ね？

— Ты в порядке? С тобой какой-то странный человек. **Возможно, это не мое дело, но от таких людей лучше держаться подальше, да ведь?**

Ярче всего в данном примере прослеживается использование «сдвига» в рамках стратегии положительной самопрезентации во фразе, выделенной жирным шрифтом. Дословно мы можем перевести эту фразу как: «возможно, это излишняя услуга, но...».

На *грамматическом уровне* данного высказывания, говорящий использует характерное для «сдвига» *けど/кэдо/* и грамматику *かもしれない/камосирэнай/*, выражающую неопределенность, сомнение, вероятность для «маскировки» своего мнения под мнением МЫ-группы. Другими словами, женщина понимает, что лезет не в свое дело и ее слова могут прозвучать обидно, и, прибегая к ходу «сдвиг», она как бы снимает с себя ответственность, выражая общепринятую точку зрения.

Мнение общества на этот счет говорящий выражает с помощью совета, используя грамматическую конструкцию *方が* /хо:га/, опуская обычно

следующее дальше いゝいゝ/ии/. Данная конструкция выражает совет или рекомендацию, а также имеет значение «если не сделать так, что случится что-то плохое» [Фролова, 2011: 367]. Таким образом, женщина дает главной героине совет не общаться с такими людьми, заканчивая предложение контактоустанавливающей частицей ね /нэ/ (в данном случае мы можем перевести это как «не так ли?», «да ведь?»), делая на ней акцент вопросительной интонацией, как бы ожидая, что девочка также согласится с мнением МЫ-группы.

На *лексическом уровне* в данном примере мы обращаем внимание на лексические номинации, используемые говорящим для обозначения человека, выбивающегося из общих представлений. Женщина произносит следующее: «随分変な人» /дзуибун хэнна хито/ и «ああゆう種類»/ааю: сюриу/. Данные фразы мы можем перевести как: «очень странный человек» и «такого рода человек». Данные высказывания подкрепляют неприятие и непонимание трансгендерного человека большинством в Японии, исходя из этого, мы можем сделать вывод о том, что такие люди особо подвержены стигматизации и притеснению в обществе.

На *лексико-семантическом уровне* мы выделяем лексему 種類/сюриу/, значение которой: «то, что имеет общие свойства, классифицируются по определенным параметрам, представляя собой отдельную группу» [goo 辞書: 2022]. Данная лексема не употребляется как синоним слову 人 /хито/ «человек». Таким образом, выбирая именно это семантическое средство, говорящий относит индивида к отдельной группе, даже не отождествляя его с человеком, тем самым унижая его роль в социуме.

Подводя итог анализа примеров использования семантического хода «сдвиг» в японской речи, мы можем сделать вывод о том, что основным речевым средством его проявления являются противительные частицы «けど /кэдо/, でも /дэмо/, んだけど /ндакэдо/». Также часто встречается грамматическая конструкция かもしれない /камосирэнаи/, выражающая

неопределенность, сомнение, вероятность для «маскировки» своего мнения под мнением МЫ-группы. Кроме того, так как зачастую «сдвиг» является частью стратегии положительной самопрезентации, чаще всего говорящие отказываются от речевых средств сниженной лексики и прибегают к исключительно нейтрально-вежливому языку: «-ます /масу/, -です /дэсу/».

2.2. (Очевидные) уступки

Данный ход также является составляющей стратегии положительной самопрезентации и используется с целью демонстрации реальной или воображаемой терпимости и сочувствия. Говорящие прибегают к нему в случаях имплицитного выражения осуждения и неодобрения:

В сериале «14-летняя мама» (14才の母) проходит немного времени после объявления главной героиней о решении родить ребенка. Ее одноклассницы обсуждают сложившуюся ситуацию:

– ミキの言うことは分かるけど、うちの学校のイメージ方々だよ。

– *Я понимаю, что хочет сказать Мики, но имидж школы...*

– そうだよね。

– *Да!*

– 私もなんて嫌!

– *Я тоже ее ненавижу!*

В данном примере мы можем наблюдать использование очевидной уступки в первой фразе говорящего. Мы видим употребление характерной для данного хода частицу «но», выраженную японским *けど/кэдо/*. Данная частица в японском языке носит противительную функцию и переводится как «но, однако, только».

Во второй части предложения акцент делается на имидже школы, а именно на имидже учащихся фразой: *イメージ方々/имэдзикатагата/*. Лексема *方々/катагата/* имеет несколько значений: может

использоваться в качестве местоимения второго лица с уважением, первоначально оно относится к множественному числу, но также используется и для единственного числа, также может указывать на то, что два или более факта и состояния сосуществуют [Weblio: 2022]. Таким образом, говорящий отмечает диссонанс сосуществования беременной одноклассницы и имиджа школы, тем самым отдавая предпочтение второму, а также объединяет учащихся в единую МЫ-группу, вытесняя Мики, тем не менее, проявляя мнимое сочувствие.

В данном случае, на *грамматическом уровне*, стигматизирующее воздействие оказывается при помощи противительной частицы *けど* /кэдо/, а на *уровне лексики*, говорящий использует лексему *イメージ* /имэдзи/ и *方々* /катагата/ разделяя учащихся школы.

В ранее уже приведенном примере из сериала «14-летняя мама» (14才の母), рассмотрим употребление «уступки»:

隣人: おめでとうございます。お嬢さんご退院なんですね。

Соседка: Поздравляю! Вашу дочь выписали из больницы, не так ли?

お母さん: あの、何かと賑やかになるとは思いますが、どうぞよろしく
お願いいたします。

Мама: Извините, я думаю, что здесь станет шумно.

隣人: あの、ここでずっと育てるつもりですか。こんなこと言いたくないんだけど。。。ほらうちも同じ年頃の娘がいるでしょ、困ってるのよ。中学生で子供を産むのが当たり前だなって思われたらどうしょうってね。うちはまだ小さいけど、どうやったら子供ができる能なんてひかれて。。。。

各授かった命に水を差すつもりはないんだけど、この辺りみんな正直影響が大きすぎるって言ってるんだよね。どこか誰も知らない土地へ行かれた方がね。赤ちゃんものびのび育ったんじゃないか。

Соседка: Вы собираетесь продолжать растить ребенка здесь? Мне неприятно это говорить, но... Видите ли, у меня дочь примерно того же возраста, что и ваша, и я беспокоюсь. Я не знаю, что делать, если она начнет считать нормальным иметь ребенка в младшей школе, понимаете? Она еще маленькая, но уже спрашивает меня, как завести ребенка.

Я не хочу омрачать подаренную вам жизнь, но люди здесь честно говорят, что это слишком сильно влияет на них. Вам следует отправиться в место, где вы никого не знаете, вы так не думаете? Я уверена, что ребенок вырастет замечательным.

В предложении «こんなこと言いたくないんだけど。。。» мы наблюдаем использование «очевидной уступки» с целью продемонстрировать реальную или воображаемую терпимость и сочувствие.

Эту фразу мы можем дословно перевести как: «Я не хочу такое говорить, но...». Говорящий использует полупредикативное прилагательное *こんな* /конна/, со значением «такой, подобный», предполагая, что «ТАКИЕ» слова могут оскорбить или обидеть собеседника, о чем говорит также фраза *言いたくない* /иитакунай/ «я не хочу говорить». На самом деле, эта фраза показывает то, что она хочет высказать ей все, что думает, а эти слова лишь мнимая вежливость и сочувствие.

Помимо этого, она использует типичное для данного хода *けど* /кэдо/, говорящее о том, что говорящему якобы не хочется обижать слушающего, НО он все-таки выражает то, что думает.

Сверх этого, соседка дает «дружеский» совет фразой: «どこか誰も知らない土地へ行かれた方がね» (Вам следует отправиться в место, где вы никого не знаете, вы так не думаете?). В данном случае она, опять же, хочет показаться дружелюбной, но импликатура ее высказывания следующая: «вам нужно убраться отсюда подальше, потому что вас здесь не рады».

Завершает это высказывание контактоустанавливающая частица *ね/нэ/*, с помощью которой, говорящий как бы ожидает согласия, одобрения своего мнения. То есть ожидает, что представители ОНИ-группы и без ее совета понимают, что лучше уехать.

Пример из японской драмы «Когда вяжут серьёзно» (彼らが本気で編むときは). Мать 11-летней девочки Томо в очередной раз оставляет ее одну, и главная героиня вынуждена переехать к своему дяде (Макио). Там она встречает необычную женщину Ринко, которая раньше была мужчиной и сделала операцию по смене пола.

В отсутствие матери Томо привыкла жить у дяди и привязалась к Ринко настолько, что стала принимать ее как родную. После возвращения биологической матери главной героини, между ней и членами новой семьи Томо происходит следующий разговор:

槇尾: リンコさんと一緒にトモちゃんを育てていきたいと思っている。リンコは本当の母親になりたいって言ってくれてるんだ。

Макио: Мы с Ринко хотели бы воспитать Томо в семье. Ринко хочет стать настоящей матерью.

トモの母: その無理きまってじゃない? 槇尾、あんたの性的嗜好について私は何も言わない。。。すごく驚いたけど、そこはあんたのチョイスでも。。。。

Мать Томо: Это невозможно, разве ты не понимаешь? Макио, я уже ничего не говорю о твоих сексуальных предпочтениях...Я просто в шоке, но это твой выбор, тем не менее...

リンコ: お願いします。トモのこと大切にします。

Ринко: Пожалуйста, я хорошо позабочусь о Томо.

トモの母: 何言ってる? 上げるわけがないじゃない。トモ私の子よ。私ね、女なの、母である前に女なの!

Мать Томо: Что? Я тебе ее и не отдаю. Томо моя дочь. Я прежде всего женщина, а потом уже мать!

リンコ: 女とか母とかの前に子供を守らなきゃ人として大人として。

Ринко: Прежде всего, как женщина и как мать вы должны защищать ребенка. Как человек, как взрослый человек!

トモの母: あんたに何か分かるよ? 母でも女でもない癖に。あんたは母親にはなれないの、わかるでしょう? あんたは一生母親にはなれない!

Мать Томо: Да что ты понимаешь? В конце концов, ты не женщина, и не мать. Ты понимаешь, что тебе никогда не стать матерью? Ты за всю жизнь не сможешь стать матерью!

В предложении «あんたの性的嗜好について私は何も言わない。。。すごく驚いたけど、そこはあんたのチョイスでも。。。», что мы переводим как «Макио, я уже ничего не говорю о твоих сексуальных предпочтениях...Я просто в шоке, но это твой выбор, тем не менее...», демонстрируется употребление «уступки» имплицитно выражающего осуждение и неприятие сексуальных предпочтений человека, а также людей, сменивших пол в целом.

Данное высказывание позволяет сестре Макио продемонстрировать мнимое понимание и терпимость к таким как Ринко и к тем, кто их поддерживает. Но употребление таких противительных частиц как *けど/кэдо/* и *でも/дэмо/* дает нам понять, что сестра не разделяет мнение брата и не поддерживает его выбор, таким образом, подвергая социальной стигматизации не только Ринко, как человека сменившего пол, но и Макио, состоящего с ней в любовных отношениях.

Таким образом, проведя анализ представленных примеров мы можем сделать вывод о том, что наиболее характерным языковым средством репрезентации хода «уступка» на *грамматическом уровне* являются противительные частицы *けど/кэдо/* и *でも/дэмо/*, с помощью которых,

говорящий одновременно высказывает свое стигматизирующее отношение и «мнимое» понимание и сочувствие.

2.3. Обобщение

Особенность хода «обобщения» заключается в том, что говорящие описывают какие-либо аспекты единичного опыта, то есть частную модель, но, чтобы усилить весомость и когнитивную полезность этнических оценок, они склонны обобщать такую модель до более общей групповой схемы. Свойства индивидуальных участников ситуации или событий принимаются при этом за свойства всех членов группы или всех этнически маркированных ситуаций. Данный ход особенно характерна для японского общества с точки зрения культурологии и межкультурной коммуникации.

Обратившись к классификации культур Р. Хофстеде, мы понимаем, что Япония относится к типу коллективистской культуры [Hofstede, 2015]. Особенностью культуры коллективизма является потребность в поддержании достоинства (себя и своей группы) в «сохранении хорошего лица» (т. е. быть уважаемым в глазах окружающих). Коллективизм исходит из того, что личность в своих мыслях и поступках зависима от коллектива. Коллективист строит свои нравственные идеалы в соответствии с принятыми в коллективе взглядами. Делает то, что считается в коллективе нужным. Полагает, что коллектив всегда прав. Общественное ставит выше личного [Кармин, 2003: 445].

Пример взят из анимэ «Горничная–президент». Данное высказывание было адресовано ученикам старшей школы «Сэика» из бедного района. Говорящий является представителем студенческого совета самой элитной школы в городе Мэябигаока. Между представителями двух школ произошла потасовка, в следствии которой, ученики школы «Сэика» ударили ученика из элитной школы.

—星華高校は野蛮という評判ですが、これで改めてなっとくしましたよ。

— *Говорят, в Сэйке учатся дикари, теперь я и сам в этом убедился.*

На лексическом уровне, пример ярко иллюстрирует использование говорящим «обобщения» с помощью лексемы 評判/хё:бан/, состоящей из двух иероглифов: первый 評/хё:/ со значением «суждение, отзыв, критика» и второй 判/бан/, означающий «печать, штамп» или же «приговор суда» во сочетаниях. Говорящий выбирает это слово с целью выражения общественного мнения, как бы объединяя, обобщая всех учеников школы по определенному признаку, далее подчеркивая то, что он с ним согласен фразой: «これで改めてなっとくしましたよ».

Помимо этого на лексико-семантическом уровне, стигматизирующее воздействие на учеников школы «Сэйка» оказывает лексическая номинация 野蛮 /ябан/ с семантическим значением «дикарь, варвар». После получения удара в лицо, говорящий выбирает данную номинацию для того, чтобы подчеркнуть, что именно в данной школе учатся дикари, то есть люди, не способные существовать в цивилизованном обществе.

В сериале «14-летняя мама» (14才の母), после того, как в школе узнают, что девочка беременна в 14 лет, одноклассница главной героини распространяет подробности этой истории. Другая одноклассница, стала свидетелем передачи слухов и не одобряет это:

1 女の子: やっぱり友達っていないんだとお思っただけ。

1 девочка: *Я так и знала, что у Мики нет друзей здесь.*

2 女の子: 友達も何もないんでしょう。これが広まったら同じ学校の私たちだって軽くみられるんだよ。

1 девочка: *Дело не в дружбе. Если это распространиться, то люди будут думать, что мы тоже легкомысленные, потому что учимся с ней в одной школе.*

В сериале был описан единичный опыт беременности девочки в 14 лет. С целью усиления весомости оценки данного случая, школьники склонны обобщать или распространять приведенную модель поведения и ее последствия на целую группу. Свойства индивидуальных участников ситуации или событий принимаются при этом за свойства всех членов группы [Дейк ван, 2000: 295].

В конкретном примере одноклассница обобщает учеников школы исходя из единичного опыта главной героини и предполагаемого отношения общества к ней и к людям, имеющим к ней отношение соответственно. Для подчеркивания уверенности в своем высказывании, а также для заключения общепринятого мнения, девочка использует экспрессивную частицу *よ/ё/* в конце фразы для усиления категоричности.

Также на *лексическом уровне* говорящий использует полупредикативное прилагательное *同じ/онадзи/* со значением «одинаковый, идентичный, общий», говоря о школе. Таким образом, говорящий объединяет всех детей, отделяя «отличающуюся» девочку в отдельную группу, меньшинство.

В итоге, мы можем сделать вывод, что ход «обобщения» особенно характерен представителям японской лингвокультуры. В рамках данной лингвокультуры он носит подсознательный, имплицитный характер и выражается во основном только на лексическом уровне с помощью номинаций со значением «объединения» (*評判/хё:бан/*, *同じ/онадзи/*).

2.4. Повтор

Т.А. ван Дейк пишет о том, что «повтор» – это ход, схожий по своим функциям с «усилением». Она используется для привлечения внимания, структурирования информации, подчеркивания субъективных оценок, более значительных тем и т.д.

Мальчик, от которого забеременела 14-летняя девочка в сериале «14-летняя мама» (14才の母) приходит в свой класс после того, как все узнали о том, что она беременна от него. Его одноклассники используют «повтор» для привлечения к «другому» внимания других и выражения обобщенного мнения о том, что он здесь лишний.

– やべーなお前 ! 勉強だけかと思ってなら。。。。

– Ничего себе! Я-то думал ты только и можешь, что учиться...

– やっぱ金持ちはちがうよ ! 違うね !

– Так и знал, что богатенькие другие! Другие!

Говорящий дважды повторяет слово 違う/тигау/, что переводится как «другой, отличающийся, неправильный» с целью твердо заявить об общепринятом мнении коллектива. Также одноклассники употребляют лексику 金持ち/канэмоти/, со значением «богач, богатый человек», в негативном контексте подразумевая отрицательное значение «богатенький». Слово состоит из двух составляющих: 金/канэ/, «деньги», и 持ち/моти/, вторая основа от глагола 持つ/моцу/, «иметь, обладать».

Одноклассник использует ход «повтора» с целью привлечения внимания и констатации общепринятого мнения в кругу МЫ-группы, а также ожидая согласия с его высказыванием сторонников, тем самым демонстрируя, что стигматизируемый одноклассник «не вписывается».

Вновь обратимся к примеру из японской драмы «Когда вяжут серьезно» (彼らが本気で編むときは):

槇尾: リンコさんと一緒にトモちゃんを育てていきたいと思っている。リンコは本当の母親になりたいって言ってくれてるんだ。

Макио: Мы с Ринко хотели бы воспитать Томо в семье. Ринко хочет стать настоящей матерью.

トモの母: その無理きまってじゃない? 槇尾、あんたの性的嗜好について私は何も言わない。。。すごく驚いたけど、そこはあんたのチョイスでも。。。。

Мать Томо: Это невозможно, разве ты не понимаешь? Макио, я уже ничего не говорю о твоих сексуальных предпочтениях...Я просто в шоке, но это твой выбор, тем не менее...

リンコ: お願いします。トモのこと大切にします。

Ринко: Пожалуйста, я хорошо позабочусь о Томо.

トモの母: 何言ってる? 上げるわけがないじゃない。トモ私の子よ。私ね、**女なの、母**である前に**女なの!**

*Мать Томо: Что? Я тебе ее и не отдам. Томо моя дочь. **Я прежде всего женщина, а потом уже мать!***

リンコ: 女とか母とかの前に子供を守らなきゃ人として大人として。

Ринко: Прежде всего, как женщина и как мать вы должны защищать ребенка. Как человек, как взрослый человек!

トモの母: あんたに何か分かるよ? **母でも女でもない癖に**。あんたは**母親にはなれないの**、わかるでしょう? あんたは**一生母親にはなれないの!**

*Мать Томо: Да что ты понимаешь? В конце концов, **ты не женщина, и не мать. Ты понимаешь, что тебе никогда не стать матерью? Ты за всю жизнь не сможешь стать матерью!***

Данный пример иллюстрирует несколько ходов, направленных на стигматизацию индивида. Подробнее остановимся на «повторе». Ринко высказывает желание стать для Томо матерью, поэтому биологическая мать главной героини, желая указать на то, что такие как Ринко не могут стать ни женщиной ни матерью, повторяет **母/хаха/** и **女/онна/** множество раз в течение диалога делая на этом особый акцент. Таким образом, она подчеркивает свою субъективную оценку, что характерно для данного хода,

тем самым отделяя Ринко от остальных женщин, хотя она считает себя таковой.

В одном из эпизодов сериала «14-летняя мама» (14才の母) родители главной героини (Мики) приходят к матери отца ребенка 14-летней девочки Сатоси, чтобы сообщить о сложившейся ситуации.

ミキの両親: さとしくんは父親だ。

Родители Мики: Сатоси кун отец ребенка Мики.

さとの母: それはありえませんか。お引き取りください。

Мама Сатоси: Это невозможно. Пожалуйста, уходите

ミキの両親: でも。。。

Родители Мики: Но...

さとの母: さとし15歳なんですよ! 彼らは同じコースに行きますが、彼は彼女に話しかけたことはありませんよ。その上、さとしがよりによって女の子を妊娠させるだなんて考えられませんよ。

Мама Сатоси: Сатоси всего 15 лет! Он ходит с ней на одни курсы, но он даже не разговаривал с вашей девочкой. Более того, я меньше всех остальных могу представить, что Сатоси мог сделать девочку беременной.

ミキの両親: 娘14歳です。

Родители Мики: Нашей дочери 14.

さとの母: 14歳で妊娠? 自由にそだっててらっしゃるんですね。

Мама Сатоси: Беременна в 14 лет? Вы очень свободно воспитываете свою дочь.

Данный пример иллюстрирует одну из функций «повтора»: расставление акцентов и привлечение внимания к проговариваемой информации. Женщина часто использует контактоустанавливающие частицы *ね/нэ/*, и частицы усиления категоричности *よ/ё/* (они выделены жирным

шрифтом в примере), что свидетельствует о применении «повтора» с целью осуществления акцента на субъективном мнении говорящего.

Таким образом, мы можем заключить, что семантический ход «повтор» имплицитно воздействует на слушающего при помощи повторения отдельных слов, или, что характерно для японского языка в особенности, различных контактоустанавливающих и акцентных частиц (ね/нэ/, よ/ё/). Данный ход чаще всего используется для акцентирования внимания на субъективной оценке или мнении большинства, тем самым репрезентируя акт социальной стигматизации.

2.5. Уклонение

Ход «уклонение» используется говорящими для того, чтобы «отгородить, отделить» себя от нежелательных контактов с человеком или группой людей, подверженных социальной стигматизации по определенному признаку. С помощью уклонения, как правило, уходят от разговора, отрицают контакт или всяческое взаимодействие во избежание «перенимания» статуса стигматизируемого.

Вновь обратимся к примеру из сериала «14-летняя мама» (14才の母):

ミキの両親: さとしくんは父親だ。

Родители Мики: Сатоси кун отец ребенка Мики.

さとの母: それはありえませんか。お引き取りください。

Мама Сатоси: Это невозможно. Пожалуйста, уходите.

ミキの両親: でも。。。。

Родители Мики: Но...

さとの母: さとし15歳なんですよ！彼らは同じコースに行きますが、彼は彼女に話しかけたことはありませんよ。その上、さとしがよりによって女の子を妊娠させるだなんて考えられませんよ。

Мама Сатоси: Сатоси всего 15 лет! Он ходит с ней на одни курсы, но он даже не разговаривал с вашей девочкой. Более того, я меньше всех остальных могу представить, что Сатоси мог сделать девочку беременной.

ミキの両親: 娘14歳です。

Родители Мики: Нашей дочери 14.

さとしの母: 14歳で妊娠? 自由にそだっててらっしゃるんですね。

Мама Сатоси: Беременна в 14 лет? Вы очень свободно воспитываете свою дочь.

После того, как мама Сатоси узнает о том, что ее сын причастен к беременности девочки, она незамедлительно прибегает к «уклонению», желая закончить разговор с этими людьми и ничем себя с ними не связывать. Для этого она использует глагол *あり得る* /ариэру/ «возможный, правдоподобный, вероятный» в его отрицательной форме, говоря о том, что даже не допускает возможности подобной ситуации с ее сыном.

Следом она говорит: *お引き取りください* /охикиторикудасай/. Данная фраза может трактоваться в двух значениях. Согласно японскому словарю *Weblio*, это устойчивое выражение имеющее два значения: «взять что-то на себя, забрать» и «просьба уйти, покинуть помещение» [*Weblio*: 2022].

Мы можем предположить, что именно фраза с этими значениями выбрана не случайно в контексте данной ситуации. Мама Сатоси уклоняется не только от продолжения разговора, но и от людей, столкнувшихся с проблемой малолетней беременности, считая это неприемлемым и желая отгородиться от подобных людей, тем самым подвергая их социальной стигматизации.

Также стоит уточнить, что по сюжету сериала, мама Сатоси известный предприниматель, про которого пишут статью в газете. Исходя из этого, примечательно, что во фразе мы видим маркеры вежливой речи, такие как префикс *お* /о/, присоединяющийся к именам, обозначающим нечто,

связанное с лицом, этикетную вежливость к которому нужно выразить [Алпатов и др., 2008: 66], и глагол *ください* /кудасай/, который присоединяется к глаголу с основным значением и является стандартным нейтрально-вежливым императивом к высшему или равному лицу [Алпатов и др., 2008: 389].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что говорящий прибегает к ходу «уклонения» используя исключительно языковые средства, направленные на вежливое обращение в рамках стратегии положительной самопрезентации, так как мама Сатоси не хочет портить репутацию своей семьи связью с 14-летней беременной девочкой, но и потерять лицо (нагрубить, оскорбить) она не может.

Фразу *それはありえませんよね* /сор эва ариэмасен ё нэ/ «Это невозможно!», заключают сразу две частицы. *ね/нэ/* указывает на просьбу говорящего подтвердить некоторое общее знание или согласиться с ним [Алпатов и др., 2008: 460]. Таким образом, мама Сатоси подразумевает, что все и так знают, что ее сын не способен на такое и ожидает, что родители Мики с ней согласятся. Использование данной частицы помогает говорящему избежать формулирования излишних суждений. Частица *よ/ё/*, в свою очередь, указывает на уверенность в верности передаваемой информации [Алпатов и др., 2008: 460].

Исходя из анализа подобранного материала, мы можем заключить, что в японском языке, выражение «уклонения» на *грамматическом уровне*, происходит при помощи маркеров отрицания: «*ません/масэн/*, *ない/най/*». Типовыми выражениями являются: «*それはありえませんよね*» (это невозможно), «*見たことがない*» (я не видел, я не встречал), «*知らん/сиран/*» (я не знаю).

2.6. Пресуппозиция, предположение, косвенный речевой акт

Это семантические и прагматические ходы, объединенные в одну группу, позволяющие говорящему избежать формулирования некоторых частных суждений, а именно отрицательных замечаний или оценок, или перевести их в русло более общих, общепризнанных знаний или мнений, за которые говорящий не несет ответственности, в чем проявляется их имплицитность.

Пример был взят из аниме «Наруто» (ナルト). Наруто – главный герой, внутри которого заключен ужасный девятихвостый монстр, разрушивший деревню много лет назад, поэтому отношение жителей деревни к Наруто негативное, они сторонятся и боятся его.

– やだ、あの子

– Фу, *этот* ребенок

– あの子は忌まわしい九尾– ちょっと ! それ禁句!

– *Этот* ребенок это отвратительный девятихвостый! Тише! О нем нельзя говорить!

В данном примере, на *лексическом уровне*, жители деревни используют множество языковых средств выражения стигматизации. Во-первых, восклицание – やだ /яда/, используемого для выражения неприязни или несогласия. В данном контексте やだ означает восклицание «фу». Также говорящий определяет «девятихвостого монстра» с помощью прилагательного 忌まわしい/имаваси:/, означающего «отвратительный». Это предикативное прилагательное образовано от глагола 忌まう /имау/, который означает «не любить, избегать, воздерживаться».

Далее говорящий использует указательное местоимение あの/ано/, которое само по себе не имеет негативной окраски, но в данном контексте, с помощью этого местоимения, люди определяют главного героя как «того самого» ужасного монстра, тем самым делая акцент на его отличии от всех,

его чужеродности. Более того, из повтора указательного местоимения あの /ано/ разными людьми, мы можем сделать вывод об устоявшемся в народе «названии» другого человека, чужого, не принадлежащего к их кругу. Данное указательное местоимение является «типовым показателем» или «маркером» пресуппозиции, позволяющим человеку избежать формулирования собственного отношения к стигматизируемому объекту, а использовать общепринятое мнение за которое его не осудят. Данный ход позволяет прибегнуть к стратегии положительной самопрезентации и, одновременно, высказать свое мнение по поводу «неудобного» обществу человека.

Пример из японской драмы «Когда вяжут серьезно» (彼らが本気で編むときは). Ринко и Томо пошли в продуктовый магазин, там их увидела мама одноклассника Томо, в этот момент она сказала ему:

母: あの子。。。

Мама: *Этот* ребенок...

トモの同級生: はい、トモ!

Одноклассник Томо: Да, Томо!

В данном примере говорящий также использует указательное местоимение あの /ано/ в качестве маркера пресуппозиции, тем самым «указывая» на ЭТОГО ребенка из неблагополучной семьи.

Выбирая пресуппозицию в качестве семантического хода в рамках стратегии положительной самопрезентации, говорящий стигматизирует главную героиню имплицитно, не называя вещи своими именами, благодаря чему, сохраняет свое лицо. Тем не менее, импликатура высказывания четко прослеживается: «эта девочка должна держаться подальше от моего сына и общества в целом, с ней не следует общаться из-за отсутствия надлежащего воспитания».

Исходя из анализа выбранных нами примеров, мы можем сделать вывод о том, что характерными маркерами данной группы ходов будут

являться указательные местоимения «あの/ано/, この/коно/, その/соно/, ああゆう/ааю:/». А также использование 2-го лица для более абстрагированной или общей референции.

2.7. Контраст

Ход «контраста» используется японцами для подчеркивания положительных и отрицательных оценок людей, их действий или свойств – часто путем противопоставления МЫ-группы и ОНИ-группы. «Контраст» используется говорящими для обозначения «своего места» человеку или группе людей, подвергшихся стигматизации:

В сериале «Цветочки после ягодок» (花より男子), девочка из очень бедной семьи попадает в школу для обеспеченных детей и там сталкивается с тем, что дети из богатых семей не хотят общаться с ней из-за разного социального уровня. Так, несколько девочек из класса главной героини обращаются к ней следующим образом:

– お友達にもミスとられっちゃったよね。

– Ты потеряла своего друга, не так ли?

– あんたもともと目障りだったよね! 庶民の分際でこの学校とくにかようなんて。さっさと出てきな! 貧乏人!

– Ты с самого начала была бельмом на глазу! **Как человек из общества простых людей может ходить в такую школу? Убирайся! Нищенка!**

Данный пример иллюстрирует применение богатыми школьницами «контраста» для обозначения разницы в социальном положении учеников элитной школы и новенькой простой девочки. На *лексико-семантическом уровне*, они используют такие лексемы, как: 庶民/сè:мин/, 分際/бундзай/, 貧乏人/бинбо:нин/, 名詞/мэдзавари/». Данные лексические номинации имеют следующие значения: обычный человек, положение в обществе, бедняк,

бельмо на глазу, и используются с целью обозначения места представителя ОНИ-группы с точки зрения представителей МЫ-группы.

Слово 庶民 /сэ:мин/, значение которого «простой народ, обычные люди, не имеющие особого социального статуса» или более грубо «бедняк», используется говорящим для обозначения себя и своего общества как «необычное, избранное, недоступное простым людям», по сравнению с человеком из обычной среды, тем самым определяя его как «неподходящего, другого, неуместного» в данной социальной среде, тем самым проводя четкую черту, контраст между МЫ-группой и ОНИ-группой.

В сочетании с 庶民 /сэ:мин/ одноклассница использует существительное 分際 /бундзай/, которое переводится как «положение в жизни» и состоит из иероглифов 分/бун/ и 際/кива/, и имеет значение не очень высокого статуса в обществе, еще раз подчеркивая низшее положение главной героини в сравнении со всеми в школе. 分/бун/ имеет множество значений, таких как: часть, количество, минута, разделение и пр., но в данном случае основное значение этого иероглифа – положение/удел. 際 /кива/ – иероглиф со значением каких-либо обстоятельств, определенного времени.

В заключение, одноклассницы называют главную героиню 貧乏人 /бинбо:нин/, что переводится как «нищий или бедняк». Данная лексема состоит из трех иероглифов: 貧/хин/, со значением «бедность», 乏/бо:/, также со значением «скудный, бедный, нуждающийся», и 人/нин/, обозначающий человека.

Также говорящий использует указательное местоимение この/коно/ в сочетании この学校/коно гакко/. В контексте диалога мы переводим эту фразу на русский как: «ходить в такую школу». Местоимение この в японском языке указывает на принадлежность предмета к сфере говорящего. Ван Дейк в своей модели обозначает указательные местоимения как один из

маркеров пресуппозиции, что является еще одним ходом в речи говорящего. Таким образом, одноклассник еще раз подчеркивает контраст между МЫ-группой ОНИ-группой, говоря о доступности и принадлежности ТАКОЙ школы только избранным, своим.

Следующий пример из сериала «14-летняя мама» (14才の母). Одноклассница беременной в четырнадцать лет главной героини обращается к ней:

- 私はあるみたいなの奴が一番嫌い。
- Я ненавижу *таких как ты* больше всего
- えっ？
- Что...？

В данном примере мы наблюдаем использование контраста, опять же, через разделение представителя МЫ-группы (говорящего) и ОНИ-группы (слушающего) по средству употребления местоимения второго лица 奴 /яцу/. Данное местоимение может использоваться для выражения значения формальных существительных «вещи» и «предметы» в непринужденной форме. В контексте исследуемого диалога 奴 используется новенькой ученицей в качестве личного местоимения третьего лица подчеркивающего низшее положение другого человека. Помимо этого 奴 несет уничижительную функцию.

Следом одноклассница обращается к главной героине с помощью лексически сниженного местоимения あんた /анта/ и грамматической конструкции *みたいなの* /митаина/ со значением «схожий, похожий, выглядящий как» с целью объединения «таких» в одну общность, не отвечающую стандартам «нормального» общества, достойную ненависти (ОНИ-группу). Таким образом, одноклассница главной героини выражает свое мнение о том, что все остальные одноклассники «нормальные», а

главная героиня является представителем «тех», кто достоин ненависти и кого следует ненавидеть по определенному признаку.

В анимэ «Горничная–президент» мы наблюдаем двух учеников из школы «Сэика» в небогатом районе, стоящих около витрины и шахматами и обсуждающих их великолепие. Далее появляется представитель студенческого совета элитной школы «Мэябигаока» для детей из богатых семей и говорит следующее:

— おや、珍しい！星華の生徒がいるぞ。ここは私の家の店なんだ、下品な君たちが来るような所じゃない。散るはえが。

— *О, вот это да! Это же студенты из Сэики. Этот магазин принадлежит моей семье, и это не место, куда приходят такие отбросы как вы. Исчезните, букашки.*

Пример иллюстрирует противопоставление бедных и богатых путем использования «контраста». Говорящий подчеркивает свое высокое социальное положение, упоминая о том, что его семье принадлежит этот магазин (ここは私の家の店なんだ), что сразу «отдаляет» участников диалога друг от друга.

Говорящий продолжает следующей фразой: «下品な君たちが来るような所じゃない», разберем ее подробнее. Прилагательным 下品な /гэхинна/ со значением «низкий, пошлый, вульгарный, безвкусный» ученик из элитной школы подчеркивает низкое происхождение учеников «Сэики», проводя контраст между МЫ–группой говорящего и ОНИ–группой слушающего.

Далее следует местоимение 君/кими/ с показателем множественности たち/тати/. Заметим, что говорящий использует именно это сочетание, а не более привычное 人/хито/, 人たち/хитотати/ или 人々/хитобито/. Можно предположить, что вместо обозначения «человек, люди», 君たち

используется для еще большего отделения слушающего от общества, посредством «не называния» бедных школьников «людьми».

Пример из японской драмы «Когда вяжут серьезно» (彼らが本気で編むときは). Мать 11-летней девочки Томо в очередной раз оставляет ее одну, и главная героиня вынуждена переехать к своему дяде. Там она встречает необычную женщину Ринко, которая раньше была мужчиной и сделала операцию по смене пола.

После того, как мама одноклассника Томо увидела ее с трансгендерным мужчиной в магазине, в личной беседе с сыном она говорит ему следующее:

母: トモちゃんとも遊んだじゃないよ。学校でも話してもいけません。

Мама: Больше не общайся с Томо. И не разговаривай с ней в школе.

トモの同級生: 何で?

Одноклассник Томо: Почему?

母: 一緒にいた人見たでしょう? 普通じゃないの。

Мама: Ты видел, с каким человеком она была? Это не нормально.

トモの同級生: 普通で何?

Одноклассник Томо: А что нормально?

母: 普通は普通以上でないことよ。

Мама: Нормально то, что не выходит за пределы нормы.

Мама мальчика в данном примере прибегает к «контрасту» с целью продемонстрировать своему ребенку несоответствие обществу человека, сделавшего операцию по смене пола. Для достижения этой цели, на *лексико-семантическом уровне*, она использует лексему 普通/фуцу/, со значением «обычный, нормальный, привычный».

Данная номинация в конкретном примере выступает в качестве маркера имплицитного выражения социальной стигматизации, так как само

по себе слово не несет негативной коннотации. Говорящий использует 普通 /фуцу/ для обозначения различия между «нормальным» (таким как у большинства), и «не нормальным» (отличающимся по определенному признаку), таким образом проводя черту между МЫ-группой, кем является мама и ее сын, и ОНИ-группой, представителем которой выступает в первую очередь Ринко, но также и Томо, поддерживающая «не нормального» человека. Помимо этого, данный пример демонстрирует использование «повтора», когда мама трижды повторяет слово 普通 за короткий разговор, стараясь убедить мальчика в том, что с такими людьми, с теми, кто их поддерживает не стоит общаться.

Примеры из дорамы «Когда вяжут серьезно» (彼らが本気で編むときは) иллюстрируют особенность стигматизации в японском обществе. Ей подвергаются не только отдельные личности или группы, но и люди, поддерживающие с ними контакт.

Таким образом, проведя анализ выбранных нами примеров, мы можем сделать вывод о том, что для «контраста» характерны следующие речевые средства, используемые японцами: лексические номинации «庶民/сё:мин/, 分際/бундзай/, 貧乏人/бинбо:нин/, 名詞/мэдзавари/, 普通/фуцу/», местоимения второго лица «奴/яцу/, あんた/анта/, 君たち/кимитати/». Стоит отметить, что данные речевые средства мы можем отнести к средствам сниженной лексики, грубой речи или к средствам с негативной окраской, что выражает эксплицитность данного хода.

2.8. Усиление

Семантический ход «усиления» направлен на более эффективный контроль внимания слушающего или подчеркивания субъективного мнения («привлечение внимания»).

В сериале «14-летняя мама» (14才の母), девочка из обычной японской школы узнает о том, что беременна в четырнадцать лет. В ходе повествования она сталкивается с осуждением общества в лице ее одноклассников. От главной героини отворачиваются друзья из-за ее «отличия». Рассмотрим диалог подруги главной героини и их классного руководителя:

担任: いちのせさんのことなんだけど. . . あなたに妊娠を打ち明けたってのは本当?

Классный руководитель: Это касается Ичиносэ-сан... Это правда, что она сказала вам, что она беременна?

級友: ミキはバカだと思います。妊娠したいと同じクラスなんて嫌です。

Одноклассница: Я думаю, что Мики дура. Я совершенно не желаю учиться в классе с той, кто решила забеременеть!

Пример отчетливо показывает использование усиления одноклассницей главной героини. Средством его выражения на **лексико-семантическом уровне** является лексема バカ/бака/ «дура». Вместо того, чтобы четко ответить на заданный учителем вопрос, она резко и категорично высказывает свое отношение к главной героине, называя ее バカ/бака/ «дура», тем самым подтверждая то, что она беременна и осуждая ее за это. Также заметим, что при выборе выражений, «подругу» Мики не смущает тот факт, что она говорит с учителем, тем не менее, она все же выбирает стилистически сниженную лексику для выражения своего мнения.

На грамматическом уровне, в данном диалоге, социальная стигматизация репрезентируется с помощью грамматики *なんて/нантэ/* с дополнительным значением усиления последующего прилагательного *嫌/ия/*, имеющего значение «неприятный, противный», или также *嫌* может употребляться в значении нежелания делать что-либо, отвращения к

действию. *なんて* в данном случае выступает в качестве эмоционально-оценочного средства, усиливающего значение последующих слов и внося значение пренебрежения.

Далее обратимся к уже знакомому нам примеру из сериала «14-летняя мама» (14才の母):

1女の子: やっぱり友達っていないんだとお思っただけ。

1 девочка: Я так и знала, что у Мики нет друзей здесь.

2女の子: 友達も何もないんでしょう。これが広まったら同じ学校の私たちだって軽くみられるんだよ。

1 девочка: Дело не в дружбе. Если это распространиться, то люди будут думать, что мы тоже легкомысленные, потому что учимся с ней в одной школе.

Для подчеркивания уверенности в своем высказывании, а также для заключения общепринятого мнения, девочка использует частицу усиления категоричности *よ/ё/* в конце фразы, выделенной жирным шрифтом. Такой семантический ход носит название «усиление».

Исходя из проанализированных нами примеров, мы можем сделать вывод о том, что для «усиления» характерно использование стилистически сниженной лексики «バカ/бака/ «дура», а также эмоционально-оценочного средства, усиливающего значение последующих слов.

2.9. Интерпретация результатов исследования

Анализ семантических стратегий и ходов на основе модели анализа стратегий и тактик выражения этнических предубеждений Т.А. ван Дейка продемонстрировал, что, несмотря на то, что все ходы, описанные ученым нашли свое отражение в границах репрезентации социальной стигматизации в японской повседневной коммуникации, методом качественно-количественного анализа нами были выявлены наиболее частотные, которые

мы можем рассматривать как наиболее предпочтительные для японской лингвокультуры. К таким ходам мы относим следующие: обобщение (12%), сдвиг (19%), уклонение (10%), (очевидные) уступки (20%), повтор (10%). Мы отмечаем, что главной стратегией, объединяющей цепочки таких ходов является стратегия положительной самопрезентации. Это обуславливается желанием японца, выражая неодобрение или неприятие, оставаться вежливым и сохранить свою репутацию.

Среди ходов, выделенных нами в подгруппу «имплицитных» наиболее частотными, исходя из процентного соотношения, являются (очевидная) уступка (20%) и сдвиг (19%). Преобладание такого рода ходов, направленных на выражение мнимого сочувствия и понимания по отношению к стигматизируемой группе или «маскировки» собственного мнения под общественное свидетельствует о «мягкой изоляции». Другими словами, стремлении японцев отделить не принимаемые, неудобные обществу группы, не прибегая к категоричным высказываниям, прямому осуждению, призывам к ненависти и др.

Помимо этого, высокая частотность ходов такого типа предопределяется исторически сложившимся желанием японца сохранить имидж, свой или целого общества (школы, фирмы, или даже целой нации), таким образом «не потерять лицо». Для этого они прибегают к стратегии положительной самопрезентации и последующему имплицитному стигматизирующему воздействию по средствам ходов, перечисленных выше.

Помимо имплицитно воздействующих, мы выделяем и ходы эксплицитного выражения социальной стигматизации: контраст и сдвиг. В противовес первой группе, они характеризуются использованием стилистически сниженной лексики, категоричностью высказывания, четким разделением МЫ-группы и ОНИ-группы, ясной формулировкой отрицательного и порицающего мнения. Также мы отмечаем возможность сосуществования контраста и сдвига в рамках одного речевого акта. Контраст выполняет разделяющую функцию, демонстрируя «стену» между

стигматизируемой группой и обществом, а усиление направлено на утверждение позиции и подтверждение высказывания представителями МЫ-группы.

Говоря о стигматизируемых группах, опираясь на проведенный нами анализ языковых примеров, вы можем сделать вывод о том, что наиболее подверженные стигматизации группы определяются по материальному состоянию, социальному положению, возрасту, гендерной принадлежности, сексуальным предпочтениям и внешности. Это говорит о высокой степени стремления к стандартизации японского общества. Японцы опираются на стандартизированный образ «нормы» и отказываются признавать не соответствующих «норме» людей членами общества.

Помимо этого, важным наблюдением является то, что в японском обществе социальной стигматизации подвержены не только отдельные индивиды или стигматизируемые группы, а также люди, имеющие к ним какое-либо отношение или поддерживающие их отличительные признаки. Например, члены семьи, друзья или коллеги.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В практической части работы в ходе лексико-семантического анализа нам удалось выявить, какими лексическими номинациями и грамматическими конструкциями репрезентируются семантические ходы в рамках стратегии социальной стигматизации и из чего они состоят. Далее при помощи морфо-семантического анализа, мы установили значение стигматизирующих лексических номинаций и грамматических конструкций, а также, с помощью элементов лингвокультурологического анализа мы рассмотрели значение номинаций в японском обществе и установили причинно-следственную связь употребления того или иного средства. Используя контекстуальный анализ, мы выяснили, каким образом та или иная лексема или грамматическая конструкция проявляется в определенном контексте.

В результате проведенной практической работы было выявлено, что ходы, с помощью которых реализуется социальная стигматизация в японском обществе, выступают в качестве составных частей семантических стратегий, например стратегии положительной самопрезентации и получают как эксплицитную, так и имплицитную форму реализации, каждая из которых репрезентируется с помощью определенных языковых средств.

Прибегнув к методу качественно-количественного анализа, нами было выявлено, что наиболее частотными являются ходы, оказывающие стигматизирующее воздействие имплицитно (обобщение 12%, сдвиг 19%, уклонение 10%, (очевидные) уступки 20%, повтор 10%). Это обуславливается желанием японца высказать порицание, «замаскировавшись» под общественное мнение, таким образом «не потерять лицо».

Для ходов такого типа *на грамматическом уровне* характерны: противительные частицы «けど/кэдо/, でも/дэмо/, んだけど/ндакэдо/»,

контактоустанавливающие частицы «ね /нэ/», и частицы усиления категоричности «よ /ё/», маркеры отрицания: «ません /масэн/, ない /най/», а также подчеркнуто нейтрально-вежливая речь, маркерами которой являются «-ます /масу/, -です /дэсу/», префикс «お /о/», глагол «ください /кудасай/».

На лексико-семантическом уровне: лексемы со значением «объединения» «評判 /хё:бан/, 同じ /онадзи/», лексические номинации, характеризующие отличительный признак стигматизируемой группы «庶民 /сё:мин/, 分際 /бундзай/, 貧乏人 /бинбо:нин/, 名詞 /мэдзавари/».

Как итог, нам удалось выявить, что зачастую японцы стигматизируют человека или группы людей на почве внешности, материального состояния, социального положения, возраста, гендерной принадлежности, а также сексуальных предпочтений. Это обуславливается нежеланием японцев принимать индивидов, неподходящих под общепринятый «стандарт» общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании был изучен стратегический аспект репрезентации социальной стигматизации в японской повседневной коммуникации, а также лингвистические средства его реализации. Для этого были рассмотрены такие понятия как: «коммуникативная стратегия» (М.Л. Макаров, В.С. Анохина, В.Б. Кашкин, Б.Ю. Городецкий, И.Н. Борисова, Т.Е. Янко), «речевая стратегия» (С.А. Сухих, А.А. Романов, Н.Ф. Алефиренко, О.С. Иссерс, А.П. Сковородников), «семантическая стратегия» и «семантический ход» (Т.А. ван Дейк). Как итог, в качестве терминологического базиса данного исследования был выбран понятийный аппарат Т.А. ван Дейка по причине его особой релевантности для изучения феномена социальной стигматизации.

Следующим этапом исследования был анализ и дифференциация моделей анализа речевого акта отечественных и зарубежных ученых при помощи сравнительно-сопоставительного анализа (Т.А. ван Дейк, О.С. Иссерс, Л.Л. Фёдорова, А.П. Сковородников, Э.А. Королькова). Итогом стал выбор этнической модели Т.А. ван Дейка в качестве основы данной работы по причинам высокого интереса исследователя к теме этнических предубеждений и дискриминации, что коррелирует с темой данного исследования. Помимо этого, модель Т.А. ван Дейка пользуется безусловной популярностью и авторитетностью в рамках научного сообщества, что также послужило одной из причин нашего выбора.

Далее путем сравнительно-сопоставительного анализа были выявлены и дифференцированы следующие смежные понятия: стереотип, предубеждение, дискриминация, идзимэ и предрассудок. Главное отличие социальной стигматизации от данных смежных понятий заключается в том, что изучаемый нами феномен включает в себя широкий круг социальных факторов и процессов, а также может проявляться в самых разных ситуациях взаимодействия людей в рамках того или иного общества. Помимо этого,

социальная стигматизация характеризуется изолированием индивида или стигматизируемой группы от целого общества, при этом не лишая прав и свобод.

Анализ практического материала показал, что социальная стигматизация может проявляться с помощью ходов в рамках стратегий, реализуемых широким спектром языковых средств разных уровней (лексического, морфемного, морфологического, синтаксического, текстового). Систематизация проанализированного языкового массива способствовала выявлению наиболее частотных ходов в рамках японской повседневной коммуникации.

Методом выборки нам удалось определить, что в ситуациях социальной стигматизации, японцы чаще всего прибегают к имплицитному проявлению социальной стигматизации, зачастую при помощи таких семантических ходов как: сдвиг, уступка и обобщение для выражения стигматизации через общество, опираясь на общественное мнение или для утверждения собственного мнения, очевидно соотносящегося с общественным, тем самым оказывая стигматизирующее давление на человека или группу людей, не соответствующую стандартам общества. Это, в свою очередь, обуславливается коллективистским типом японской культуры, в которой личность в своих мыслях и поступках зависима от коллектива (общества) и нежеланием японца «терять лицо».

Помимо этого, нам удалось установить причины стигматизации человека или групп людей в японском обществе. К основным причинам мы относим: гендерную принадлежность, материальное положение, социальное неравенство, возраст, отличающуюся внешность, малолетнюю беременность, сексуальные предпочтения.

В результате проведенного анализа языкового материала была определена специфика реализации социальной стигматизации в японском языке, которая заключается в преобладании имплицитных средств над эксплицитными, что выражается в минимизации негативно окрашенных

единиц. Данный феномен проецируется через использование языковых средств, обычно не имеющих отрицательной коннотации, но в ситуациях социальной стигматизации, приобретающих контекстуально обусловленное стигматизирующее значение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. М.: Флинта: Наука, 2005. 416 с.
2. Алпатов В.М. Япония: язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. 208 с.
3. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. М.: Наталис, 2008. 560 с.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.
5. Бовина И.Б. Стигматизация: социально-психологические аспекты // Психология и право. 2013. Вып. 3. С 22–29.
6. Борисова И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996. С. 21–48.
7. Бурдые П. Социология социального пространства: Пер. с франц. отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2007. 288 с.
8. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: 2000. 308 с.
9. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Пер. с англ. / Сост. В.В. Петрова; Под ред. В.И. Герасимова; М.: Прогресс, 1989. С. 294–300.
10. Ван Дейк Т.А., Кинч В., Стратегии понимания связанного текста // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23 (25). С. 133–164.
11. Василина В.Н. Понятия стратегии и тактики в прагмалингвистике // Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология. 2006. Вып. 1 (21). С. 28–37.

12. Власова О.А. Социология человека Ирвинга Гофмана: личность как сопротивление социальному в теориях стигматизации и тотальных институций // Социологический журнал. 2011. Вып. 4. С. 6–19.
13. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Основы речевой коммуникации. М.: ИНФРА-М, 1997. 272 с.
14. Городеций Б.Ю. От лингвистики языка к лингвистике общения. Язык и социальное познание. М.: Центр, совет филос. семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. 133 с.
15. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
16. Гофман И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью. Перевод М.С. Добряковой. [Электронный ресурс]. 1963. URL: <http://www.ereading.co.uk> (дата обращения: 12.06.2022).
17. Иссерс О.С. «Паша – «Мерседес» или речевая стратегия дискредитации. // Вестн. Омского ун-та, 1997. Вып. 2. С. 51–54.
18. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5 изд. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 308 с.
19. Кармин, А.С. Культурология. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Издательство «Лань», 2003. 928 с.
20. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж: ВГТУ, 2000. 175 с.
21. Клюев Е.В. Речевая коммуникация. М.: ПРИОР, 1998. 315 с.
22. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: Флинта, 2006. 669 с.
23. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. 270 с.
24. Кузякин А.С. Способы создания негативной оценочности в английских инвективах со значением этнической принадлежности лица // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2016. Вып. 7(62). С. 13–20.

25. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в зарубежной лингвистике. 1975. Вып. 7. С. 96–192.
26. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
27. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 176 с.
28. Олешкова А.М. «Другой» и «Норма» в контексте клинического дискурса. // Гуманитарные и социальные науки. 2020а. Вып. 1. С. 23.
29. Олешкова А.М. Теория прототипов в интерпретации стереотипов (на материалах рунета) // Теория и практика общественного развития. 2020б. Вып. 7. С.19–25.
30. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М., 1988. 182 с.
31. Сироткин Ю.Л. Стигматизация как социокультурный феномен // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. Вып. 2 (20). С. 100–106.
32. Сковородников А.П. Коммуникативные стратегии и тактики // Эффективное речевое общение: базовые компетенции: словарь-справочник. Красноярск: Изд-во Сибир. фед. ун-та, 2012. С. 246–247.
33. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Способы манипулятивного речевого воздействия в российской прессе // Политическая лингвистика. 2012. Вып. 3 (41). С. 36–42.
34. Сковородников А.П., Королькова Э.А. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: Этико-прагматический аспект (на материале «новой газеты») // Политическая лингвистика. 2015. Вып. 3 (53). С. 160–172.
35. Сухих С.А. Речевые интеракции и стратегии // Языковое общение и его единицы. Калинин, 1986. 280 с.
36. Фёдорова ЛЛ. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. Вып. 6. С. 46–50.

37. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998. 291 с.
38. Фролова Е.Л. Японская грамматика. Словарь-справочник, 1-е изд. М.: Муравей, 2011. 544 с.
39. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001. 384 с.
40. Biernat M., Dovidio J. Stigma and stereotypes // The social psychology of stigma. 2000. P. 88–125.
41. Bowen M., Kinderman P., Cooke A. Stigma: a linguistic analysis of the UK red-top tabloids press' representation of schizophrenia // Perspectives in Public Health. 2019. №139 (3). P. 147–152.
42. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and organizations: Software of the mind. 3rd ed. New York: McGraw-Hill, 2010. 576 p.
43. Lawson D Nicholas. Public perception of the lifetime morbid risk of mental disorders in the United States and associations with public stigma // SpringerPlus. 2016. №5. P. 1342.
44. Lippman W. Public Opinion. New York: Harcourt, Brace & Co., 1922. 427 p.
45. Ozer U., Varlik C., Ceri V., Ince B., Arslan-Delice M. Change Starts with us: Stigmatizing Attitudes Towards Mental Illnesses and the Use of Stigmatizing Language Among Mental Health Professionals // The Journal of Psychiatry and Neurological Sciences. 2017. № 30. P. 224–232.
46. Tamaki M. Ijime (Bullying) in Japanese Schools: A Product of Japanese Education Based on Group Conformity // Second Annual Rhizomes: Re-Visioning Boundaries Conference of The School of Languages and Comparative Cultural Studies. 2006. № 1. P. 1–12.
47. Van Dijk T.A. Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice. 1983. 70 p.
48. Van Dijk T.A. Processes of Prejudice and the Roots of Racism. University of Amsterdam, General Literary Studies, 1983. 372 p.

49. Van Dijk T.A. Towards a Model of Ethnic Prejudice in Cognition and Discourse // Prepublication Working Paper. 1982. № 1. 202 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

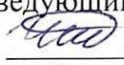
1. Англо-английский словарь Oxford English Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://languages.oup.com/research/oxford-english-dictionary/> (дата обращения: 20.05.2022).
2. Джери Д. Большой толковый социологический словарь. М.: Вече, 1999. 528 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. В.Н. Ярцева. М.: «Советская энциклопедия», 1990. 709 с.
4. Новый словарь иностранных слов. 3-е изд. М.: ООО ИФ «Азбуковник», 2008. 1040 с.
5. Энциклопедия социологии. [Электронный ресурс]. 2009. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm> (дата обращения: 02.06.2022).
6. Японо-японский большой словарь японского языка 日本国語大辞典 [Электронный ресурс]. 2007. URL: <https://www.shogakukan.co.jp> (дата обращения: 17.06.2022).
7. Японо-японский электронный словарь goo 辞書 [Электронный ресурс]. 1999. URL: <http://dictionary.goo.ne.jp> (дата обращения: 19.05.2022).
8. Японо-японский электронный словарь Weblio Jisho [Электронный ресурс]. 2005. URL: <https://weblio.jp> (дата обращения: 01.05.2022).
9. Японско-русский электронный словарь Warodai [Электронный ресурс]. 2006. URL: <https://warodai.ru/lookup/index.php> (дата обращения: 15.05.2022).
10. Oxford English Dictionary. [Электронный ресурс]. 2010. URL: <https://languages.oup.com/research/oxford-english-dictionary/> (дата обращения: 20.06.2022).

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра восточных языков
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой ВЯ

 Е.В. Чистова

« 23 » июля 2022 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**СТРАТЕГИИ И СРЕДСТВА СОЦИАЛЬНОЙ
СТИГМАТИЗАЦИИ В ЯПОНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Выпускник

У.А. Манжула

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц. каф. ВЯ А.В. Козачина

Нормоконтролер

А.П. Мутасова

Красноярск 2022

РЕФЕРАТ

Тема бакалаврской работы – «Стратегии и средства социальной стигматизации в японской повседневной коммуникации». Выпускная квалификационная работа представлена в объеме 72 страниц. Список использованной литературы составляет 59 источников, 12 из которых на иностранном языке.

Ключевые слова: СОЦИАЛЬНАЯ СТИГМАТИЗАЦИЯ, СТИГМА, СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТИГМАТИЗАЦИИ, СРЕДСТВА СОЦИАЛЬНОЙ СТИГМАТИЗАЦИИ, ПОВСЕДНЕВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ.

Цель: изучить стратегический аспект репрезентации социальной стигматизации в японской повседневной коммуникации.

Задачи: 1) систематизировать существующие подходы к определению терминов «стратегия» и «ход»; 2) описать методологию выявления стратегий и определить модель, релевантную настоящему исследованию; 3) изучить феномен «стигматизация» в русле гуманитарных наук; 4) на основе отобранного материала проанализировать ходы в рамках стратегий и средства социальной стигматизации в повседневной коммуникации японцев

Актуальность работы продиктована смещением фокуса исследовательского внимания в лингвистике к роли человека и изучением языка в качестве главной конституирующей характеристики индивида, а также процессов, происходящих в обществе. К таким процессам относится социальная стигматизация, которая, в современных реалиях, выступает в качестве одной из волнующих общество проблем.

Основные выводы и результаты исследования:

1. Социальная стигматизация в процессе коммуникации – это феномен непосредственного речевого воздействия как на определенные группы лиц, так и на отдельных членов общества с целью дистанцирования по средствам использования разнообразных речевых средств (лексические номинации, контактоустанавливающие частицы, частицы усиления категоричности, уничижительные лексемы, различные грамматические конструкции, обладающие как негативной, так и нейтральной окраской).

2. Распространенность данного феномена в японской культуре обуславливается преобладанием коллективистских установок в обществе и зависимостью личности в своих мыслях и поступках от коллектива.

3. Японцы оказывают стигматизирующее воздействие имплицитно, прибегая к стратегии положительной самопрезентации и следующим ходам: обобщение 12%, сдвиг 19%, уклонение 10%, (очевидные) уступки 20%, повтор 10%. Это обуславливается желанием японца высказать порицание, «замаскировавшись» под общественное мнение, таким образом «не потерять лицо».

4. Помимо имплицитно воздействующих, мы выделяем и ходы эксплицитного выражения социальной стигматизации: контраст и сдвиг. В противовес первой группе, они характеризуются использованием стилистически сниженной лексики, категоричностью высказывания, четким разделением МЫ-группы и ОНИ-группы, ясной формулировкой отрицательного и порицающего мнения.

5. Наиболее стигматизируемыми группами в японском обществе являются группы людей, отличающиеся от остальных по следующим признакам: материальное состояние, социальное положение, возраст, гендерная принадлежность, сексуальные предпочтения и внешность.

Перспективы дальнейшего исследования: 1) более глубокое исследование стратегий и средств социальной стигматизации, выявление новых стратегий. 2) расширение рамок изучения феномена социальной стигматизации как одного из способов достижения необходимого воздействия.